

Внутреннее Расследование

Смотрел он в окно и видел там даль, покрытую лесом, справа фасад высокого дома, должно быть такого же, в каком находился теперь; и умел-таки этот человек переживать длинную думу о том, что вот сидит нынче спиной к чуду великому, смиренно, в скромности своей не смеет обернуться назад, чтобы не вмешаться в великое таинство становления человека человеком.

За спиной слышны были редкие звуки, которые издает младенец, когда сосет грудь своей матери, впрочем, тихо все происходило, будто кто-то кого-то боялся, или стеснялся...

Он - Бимкин - позвонил сегодня утром своей старой знакомой - еще со времен молодости - и договорился о встрече. Все произошло легко, показалось, что она запросто готова была встретиться с ним, точно ждала его звонка. Он сказал ей: "Привет, это я, помнишь еще?", а она, помолчав несколько секунд, ответила: "Да, помню...". "Мы можем встретиться," - сказал он без вопросительного тона в голосе. Она снова помолчала какое-то время, и ответила: "Если хочешь, заезжай ко мне. Я только живу в другом месте, отдельно. Нас выселили из центра... Папа с мамой умерли. У меня теперь однокомнатная квартира... Это на окраине города. Помнишь, район строился..." - и назвала адрес, и получилось как-то смешно, потому что сама того не желая, она скороговоркой проговорила почтовый адрес. Бимкин поспеел в трубку и решился приехать вот так вот запросто, прихватив по дороге бутылку вина, торт, цветы. И был обескуражен, когда среди, как он решил, нищенского интерьера обнаружил, точнее вначале услышал, а потом заметил в кровати малое дитя. Инна сказала, как бы извиняясь, что это ее сын. И больше ничего уточнять не стала. Потупив взоры, они постояли какое-то время друг против друга, потом он обратил внимание, теперь уже более осознанное на ребенка, как бы смирился с его существованием, а когда она взяла младенца на руки, Бимкин даже заулыбался - расцвел, словно назваться мог отцом... Он, конечно же, уловил этот извиняющийся тон в ее голосе, стеснительность в ее движениях, и принял это на свой счет, дескать, виновной себя чувствует, хотя и помнил хорошо склонность этой женщины выглядеть виноватой во всех случаях, даже, может быть, в том единственном случае, когда надо быть в

центре внимания, не имея возможности быть привидением. Сейчас она и была вынуждена солировать, что-то рассказывая о себе, а больше демонстрируя свои достижения. А стеснительность – это врожденное или воспитанное матерью качество ей шло настолько, насколько выразительной может быть внешность актрисы, назначенной на роль самой красивой женщины... Она была такой и измениться в свои сорок с небольшим уже не смогла бы, даже если бы ей кто-то разъяснил в эти минуты, что гость, которого она по той же деликатности пригласила в свое жилище, предпочитает видеть в этом свое преимущество, а значит, свое право на диктат. Отсюда и его реакция, и эти слова: "Да, хороший ребенок... Моему уже за двадцать.. Помню, такой же был. Но я все больше на работе, так что жена справлялась с домашними делами, а я, сама понимаешь, деньги приносил. Помнишь, времена-то какие были? Но ничего, я тогда и поднялся. Сейчас у меня своя фирма..."

Инна закивала, как-то инстинктивно закрыла собой ребенка, сказала, что ей надо бы покормить его, а потом они пойдут на кухню, когда он заснет. Бимкин разрешил ей это сделать, отошел к окну и застыл там, будто имел на затылке глаза... Она хотела предложить ему подождать на кухне, но не посмела; расстегнула блузку, выставила грудь, поднесла ребенка...

Высоко на синем небе чертил линию самолет; Бимкин внимательно следил за точкой, за которой образовывался этот белый след инверсии, и вдруг обнаружил в себе следы от глубоких мыслей о Боге, в которого не верил по причине, по которой не верят, если не видели и не трогали, и о Богородице, воплощением которой сейчас могла быть Инна... Мысль эта вызвала в нем такое умиление, что губы его чуть скривились в той улыбке, какую можно наблюдать у праведников на холстах художников Возрождения, когда те изображали порыв великого смирения перед волей Всевышнего, перед Воскресением Христовым, вообще – перед Промыслом Создателя! Бимкин верил только в силу своего духа, своей воли, и знал точно, что в глазах Инны он остается прежним Мужчиной, иначе зачем бы ей приглашать его к себе?..

-Леня, пойдём на кухню... Заснул... - услышал он шепот позади себя и обернулся.

И увидел он такое, отчего перехватило дух и он даже всхлипнул, правда, незаметно; во всяком случае она не

обнаружила своим видом догадки, что мужчина напротив переживает сильные чувства – восторг от чего-то, что для него может представляться не только как прекрасное, а как невероятное! Просто, она – широколицая, с большими глазами, которые сейчас слегка косили, с прядью волос на плече, особенно с этим крохотным носом, у которого крылья имели надлом, как раз и была воплощением того образа, о котором он думал совсем недавно... И первое, что он посмел сейчас сделать, так это посмотрел на ее пышную грудь, которую она поспешно скрывала, застегивая предпоследнюю пуговицу на блузке. Бимкин покраснел только когда поплелся за ней – вон из комнаты.

На кухне он уселся – уместился на табуретке в промежутке между холодильником и столом. Принялся смотреть на нее, как она ставит чайник на плиту, раскладывает чашки, разрезает торт, потом, спохватившись, отдельно ставит перед ним одну единственную рюмку... для вина.

-Я не буду, я кормлю... - говорит она, на что получает ответ от гостя, что где-то он читал, что в небольших количествах вино даже полезно для младенцев... Вот тут он встречается с ее коротким взглядом, брошенным на него, видит то выражение, которое в ней всегда раздражало, и краснеет. А она вспоминает того Леньку Бимкина, которого никто никогда всерьез не воспринимал, и понимает для себя окончательно, что ничего неверного в ее поступке нет, если она пригласила к себе в гости старого знакомого. Тот Ленька мог только казаться бессребреником и другом в доску, тогда как был обыкновенным прощельгой...

Оставалось только любопытство, обыкновенное женское любопытство, которое ей так хотелось удовлетворить...

-Ты женат, как я поняла? – спросила она, при этом подавая ему бутылку и штопор.

Тут его и понесло, будто он стоял за кулисами и ждал своего выхода, играя хорошо знакомую роль...

-Конечно женат! Кхе. Людочкой зовут мою жену. Мы скоро отметим тридцатилетие. Она у меня работает завотделением клиники. Она вообще молодец у меня! Выглядит лет на пятнадцать моложе своего возраста. Ей сейчас чуть за сорок, она родила молодой, а выглядит так же, как и была, когда мы встретились. Сын у нас большой уже. Работает у меня на фирме. Так что, кхе, все у нас отлично, все хорошо! Так что вот...

Она смотрела на него, пока он говорил, и не могла не подивиться, как он преобразился вдруг, как заговорил скороговоркой; вспомнила и о манере "кхекать", когда он начинал врать... Подумала, что не могло же все это, что он ей выговорил скороговоркой, пряча глаза, суетясь в пальцах, которые перебирали друг друга будто четки, быть ложью. Что-то он должен был иметь, чтобы остальное придумать, или в этом его стремлении высказаться в хвастливой форме кроются опасения, что она сможет в его словах уловить что-то важное, что-то такое, о чем он никак не хотел бы сказать, чтобы не быть опозоренным... Возможно, ребенок был не от него, подумала она, или, возможно, что жена ему изменяет? То, что она была и есть, Инна не сомневалась, другое дело, что их отношения не такие... хорошие, как он хотел ей преподнести. Стоило ли разоблачать его? Нет, конечно.

-И ты счастлив? – спросила она, вглядываясь а него, замечая каждое движение на его лице.

То ли тон, с которым она задала это вопрос как-то затронул его, то ли смотрела она как-то по-матерински, с сочувствием, с болью даже, но Бимкин на несколько секунд нырнул в свои чувства, в давние и постылые переживания; и тогда он посмотрел на нее так, будто ослеп вдруг. Потом, вернувшись в эту реальность, ослабилась, "кхекнул".

-Конечно, а как не быть счастливым, когда все в этой жизни получилось, как хотел. Я ведь не растерялся, когда началась перестройка; я сразу понял главное, что наступило время деловых предприимчивых людей. У меня огромные связи, и я воспользовался ими – ты нужен людям, значит и они тебе могут понадобиться. Я создал тогда одну фирму – мы продавали лес, потом горючку, ну а потом пришлось закрыться – очень некстати был дефолт девяносто восьмого. Ну, понимаешь, если шасси у самолета убрать раньше времени, он может при взлете *тирануться* о землю. Но я взлетел, удалось набрать высоту. Ну а дальше мы командой занялись поставками за рубеж специального оборудования, которое производилось на наших предприятиях, перешедших на конверсию. Вот там были хорошие деньги и мне удалось купить несколько квартир в Москве, за рубежом. Сыну я купил квартиру и построил коттедж, но как вся молодежь, он повел себя по-свински – взял это как должное, и теперь я за него еще и долги раздаю, которые он наделал, пока занимался коммерцией... Ну да ладно, Людочка души в нем не

чает – сын все-таки... А я как-то к детям охладел с тех пор... Ну так вот, кхе, теперь дела закрутились так, что мало не покажется! Правильно говорит Задорнов, что у богатых свои проблемы – сложно уберечь деньги, которые заработал. Вот скоро поеду в Цюрих – надо решить вопросы с одним банком – там основные мои средства находятся... Так вот, что я хотел сказать, главное – все в порядке у меня, все замечательно! А ты как решилась в таком-то возрасте родить?

-Ты пей, если хочешь, – отвечала она, указывая на бутылку. – Пока Никитка не проснулся, у нас есть время, а потом, извини, мне надо будет им заниматься... А родила, потому что забеременела. Раньше не получалось...

-Ты от мужа?

"Идиот!" – чуть не вырвалось слово наружу, когда она услышала этот вопрос: вот уж правду говорят, что простота хуже воровства.

-Леня, от мужчины, которого люблю...

-Должно быть он женат, раз вы не вместе живете... - Бимкин наливал из бутылки вино себе... в стакан. Он прикинул, что надо бы выпить все, прежде чем уйти...

-Леня, ты... счастливый человек, раз можешь проявлять такую непосредственность... Вместе люди могут не быть в середине рабочего дня. Ведь и ты с женой расстаешься на время, когда уходишь на работу. Помнишь, как в стихотворении...

Он перебил ее – так получилось:

-Да, конечно расстанусь – я отвожу ее на работу и встречаю...

-При том, что сам бизнесмен? У тебя нет водителя?

Он замер, будто поймали его на воровстве. Посмотрел на нее, соображая, как выкрутиться, но нашелся быстро – сказал аж с придыханием:

-Инночка, жизнь родного человека не доверишь чужому человеку. Будь он хоть гонщиком, я бы не доверил ему своей жены... Уж я-то управляю машиной лучше...

-Я тебе верю... - отвечала Инна.

Она поймала себя на том, что нервничает, что человек этот за короткое время вызвал у нее отвращение к себе, да такое сильное, что будь она решительной, непременно бы попросила его уйти – вот так вот встать и уйти; она даже представила, как, не объясняя ничего, говорит ему, чтобы он ушел, а он,

удивившись, некоторое время все еще продолжает сидеть, а потом встает и уходит...

Она закрывает за ним дверь, облегченно вздыхает...

Странно, что всегда в жизни совершить такой простой поступок она не могла, испытывая прежде всего какое-то старое, будто бы клеймом впечатанный в ее мозг, запрет; иной раз и жизнь бы повернулась иначе, сделай она то, что всегда верно прорисовывало ее воображение...

"Идиот!" – чеканил внутри нее голос. "Он идиот! Гони его взащей!"

-Я специально купил джип, чтобы железа было побольше! Сама понимаешь, какие сейчас водители за рулем... Покупают права, особенно женщины...

Он выпил и, причмокивая губами, стал закусывать тортом... Не заметил, что лицо женщины исказила гримаса отвращения; продолжил говорить:

-Ты тогда, наверное, очень переживала, что я уехал. Но, сама понимаешь, мне надо было делать карьеру, а здесь, в Ленинграде, в этом болоте не сделаешь хорошей карьеры... Понимаешь меня? Ты не в обиде, конечно же... Так жизнь устроена, надо же еще и любить друг друга, чтобы жить счастливо...

Инна призадумалась. Он, вроде, не был таким идиотом раньше. Или она не умела отказать, когда мужчина говорил ей комплименты, когда он был галантным, внимательным? Нынче он будто мстил ей за что-то в прошлом, подзадоривая ее этими рассказами, этими откровенными обидами. Замечал ли он, что унижает ее достоинство, когда высказывает свои откровения об их прошлом, об их отношениях, об их связи, -короткой, случайной, после которой, когда она повстречалась с другим мужчиной, оба подивились, что она по-прежнему оставалась девственницей, хотя в рассказах своих о себе признавалась, что была однажды одурочена.

-Да, конечно, – сказала она вслух, а дальше получилось у нее само собой, – быть счастливой – хорошо. Главное, чтобы не приходилось хвастаться, в собственных глазах оправдывая нерадивость мужа...

Бимкин сморщил лоб, задумался над ее словами. Впрочем, отвечал быстро, перетаскивая на свою тарелку следующий кусок торта.

-Верно сказано, отлично! Муж должен быть состоятельным во всех отношениях, и жена должна чувствовать себя за ним, как за каменной стеной. Она должна тратить столько, сколько ей надо, а он должен обеспечивать ее так, как надо...

Он налил в стакан вино, выпил...

Инна немного опешила. "Так он идиот или алкоголик?" – озадачила себя вопросом.

-У тебя есть фото жены? – спросила его, просто следуя логике своих размышлений.

-Да, конечно! – сказал Бимкин и быстро извлек из кармана пиджака бумажник, развернул его и показал фотографию двадцатипятилетней девушки.

Инна всмотрелась в лицо человека, потом перевела взгляд на Бимкина, улыбнулась.

-Это фото старое... Наверное, когда вы познакомились...

-Ну да, – спокойно отвечал он, возвращаясь к поеданию торта. – Другой фотокарточки у меня нет...

-Скоро Никитка проснется... – уж с такой жалобной ноткой, с таким страхом сказала Инна, что Бимкин невольно обратил внимание на нее, понял по-своему, поспешил доесть кусок, оставил тарелку, налил себе третий стакан, да выпил его залпом, чуть не поперхнувшись...

Все! Инна аж сглотнула, когда увидела его глаза – тот самый взгляд, который он обратил на нее. Она вляпалась, как всегда!

-Леня, ты... иди, – сказала еле слышно. – Ты выглядишь пьяным...

-Да, конечно, Инночка. Я пойду – дел невпроворот! Ты знаешь, ну, пока он не проснулся, – Бимкин указал в сторону двери. – Я всегда помнил тебя, и хоть ты была, естественно, не первой женщиной в моей жизни, я всегда помнил тебя – твою нежность и твою ласку... И мне так хотелось снова увидеться с тобой, что вот я и решил позвонить, когда приехал в командировку. Поверь, мне очень хочется снова испытать те чувства, который я пережил тогда – в далекой молодости... Ты ведь понимаешь меня... И я уверен, что и ты того же хочешь, раз согласилась на встречу... Так ведь, Инночка?..

Она смотрела на него в упор и глаз ее слегка косил, что особенно возбуждало теперь Бимкина. Он сравнивал ее с женой и не в пользу последней было его заключение – он, как теперь ему чудилось, соскучился по естественности, на которую

способна женщина в своих переживаниях и проявлениях, когда она такая, как Инна – дородная, по-детски непосредственная, и природой наделена такими качествами, которые он все еще помнил, собственно, этим и распаяясь, когда звонил ей, когда шел к ней; и теперь, когда смотрел на нее, на ее грудь...

-Человек должен следовать своим порывам – это здорово, да, Инна?! Ведь ты чувствуешь то же, что и я...

-Леня, давай разойдемся без глупостей, – только и смогла она сказать, правда вставая и отступая к плите.

А в голове у нее прозвучало: "Сморчок лысый..."

Бимкин, принимая ее шаг назад как приглашение к озорству, легко встал и подошел к ней вплотную, обнял; задышал на нее перегаром:

-Инночка, ну ты же помнишь, как раньше... Ты ведь девочкой была и я был с тобой аккуратен... Но ведь тебе нравилось...

Она уперлась в него, руки ее задрожали, и он стал казаться ей сильным...

-Леня, так нельзя! Я не любила тебя никогда, а потом, когда вспоминала, ты мне был просто противен! Ты ведь идиот, Леня! Я раньше, как все, думала, что свой в доску, что ты – сама доброта, что ты бескорыстен... Ты так умел себя преподнести, а мы все были лохами, клянусь тебе! Леня, отпусти! – вот тут она сильнее толкнула его, и, оказывается, он не настолько силен, чтобы выдержать ее натиск. Это слегка приободрило ее, она увидела в его глазах что-то черное, нехорошее.

...И будто вместо нее говорили со стороны, но ее голосом, а она могла слышать, не в силах остановить события – в экстремальных ситуациях с ней всегда такое происходило.

-Я пригласила тебя, потому что снова вспомнила того парня, которым ты хотел казаться. Да я вообще дура, которая не способна отказывать людям, даже когда они наглеют. Это воспитание такое – от родителей интеллигентов. Уходи, Леня...

Он схватил ее и началась борьба, которая, вероятнее всего, довела бы их до полного истощения, если бы не крик младенца – он проснулся раньше, стало быть, они шумели, или Инна кричала так громко...

Они оба замерли, потом она оттолкнула его что было сил, и он упал навзничь, ударившись головой о стену. Тут она увидела, что у него расстегнута ширинка, и увидела то, что в таком виде не могло бы представлять опасности, даже если бы в борьбе она

уступила. Вот тут ее разобрало, и она стала смеяться так, как, бывает, смеются дети над незатейливой шуткой взрослых...

-Сморчок! – услышала она свой голос, – И этим ты пытаешься что-то сделать...

"Боже мой! – подумала сама. – Куда делась моя стеснительность?! И это говорю я?!"

Она ушла к ребенку в комнату. А он стоял и смотрел некоторое время на нож – обыкновенный кухонный нож; думал, что пойдет и полоснет ее по шее, но вместо этого справился быстро и ушел, опасливо прикрыв за собой дверь. Потом ему какое-то время казалось, что он видел в комнате много крови, и что она лежала на полу с перерезанным горлом...

* * *

Погода этой осенью - восьмого года - стояла... неопределенная. Что-то подсказывало, что зима снова пройдет... в неопределенности – будет снег с дождем, будет тепло, и Дед Мороз приедет в гости в промокших валенках. Странная метафора поразила его, он ухмыльнулся сам себе, пригладил усы, и обернувшись на машину, которую оставлял во дворе старого, постройки времен Брежнева, дома, из тех, что называли кораблями, обходя лужи и грязь, пошел в сторону подъезда. Дух в лифте, да и повсюду в таких помещениях, был одинаково смраден и удушлив. На пятом этаже он позвонил в дверь, которую открыли сразу. Он назвался - Петров Андрей Викторович, напомнил, что полчаса назад они по телефону договаривались о встрече

-Инна Виленовна Калинина кивнула и отошла в сторону, пропуская его вовнутрь; при этом женщина поникла, да в сторону отвернулась, будто стесняясь его, или чувствуя себя виновной...

-Вы извините меня, пожалуйста, за беспокойство. Сами понимаете, дело необычное, ну и заказчик мой необычен – известная очень личность. Он потребовал, чтобы делом занялся еще и частный сыщик, так что, сами понимаете, мы с вами в одинаковом положении...

Жестом она указала на тапочки и он разулся. Потом, так же не проронив ни слова, повела его на кухню.

-Кофе, чай? – спросила его, все так же не глядя в глаза.

-Нет. Не беспокойтесь. Я знаю, что у вас ребенок, потому и беспокоить не буду – поскорее уладим наши дела и я постараюсь больше в вашей жизни не появляться...

Вот тут она бросила на него взгляд и он удивился тому, что так не соответствовало значение этого взгляда тем банальным словам, которые он произнес; ему показалось, что женщина испытала страх, испуг от того, что они больше не встретятся. Странной была такая реакция, хотя, он мог и ошибаться...

-Я что-то не так сказал? – спросил он ее и показался вдруг ей эдаким скромным, стеснительным человеком.

Инна думала, что была женщиной взрослой, и давно прекратила верить своим первым впечатлениям. Однако же смешалась, когда он продолжил смотреть на нее пристально; и еще от того, что они будто бы замерли в действиях – оба замерли, стоя напротив друг друга.

-Вы садитесь, пожалуйста, – сказала она, и сама села первой на табурет, какие бывают на кухне. Он был вынужден усесться через угол стола; обраил внимание, что кухонный стол убран – на нем вообще ничего не было. Подумал тогда, что следовательно при первом допросе наверняка сидел на его месте, вот она загодя и прибралась.

-Я ничего записывать не буду – все-таки я неофициальное лицо. Просто поговорим о некоторых вещах и я сразу уйду.

Женщина кивнула.

-Вы с Ходовым Борисом Яновичем не встречались никогда? – начал он задавать вопросы.

-Нет. Но я знаю, что он дедушка Яны.

-А с Яной вы занимались по физике перед ее поступлением в институт?

-Да. По настоянию ее деда – Ходова Бориса Яновича.

-Вы стали подругами... – констатировал, просто так констатировал Петров.

-А что в этом такого?! – вспыхнула женщина. – Мне и следовательно "так" задал вопрос.

-Я, Инна Виленовна, не следовательно, чтобы задавать вопросы с подтекстом или нетактично разговаривать с человеком. Я, повторяюсь, просто расследую убийство человека, которого вы знали лично. Знали, возможно, гораздо больше, чем ее дед. И в этом есть вся прелесть нашего времени, когда люди все еще способны общаться просто так, не оплачивая такое

общение. Мне просто надо узнать чуть побольше о Яне, чтобы понять, каким образом могло произойти такое чудовищное событие; кто и почему убил ее просто так, или не просто так?.. Вы понимаете меня? Ведь это убийство – не заказное, а случайное. Не стали бы так наказывать деда Яны, причем без предупреждения, или инкогнито, без оповещения о возмездии за что-то там в прошлом, что мог совершить Ходов. Но не забивайте себе голову нюансами следствия. Вопрос более важного характера звучит таким образом: почему ошиблись и убили Яну? Ошиблись домом, просто ошиблись домом? Если так, значит что-то общее было в ситуации. Я посетил квартиру с идентичным номером в доме рядом, - там живут другие люди, там нет молодой девушки, женщины, младенца... А здесь – убийца вошел в квартиру и просто выстрелил в девушку, потом прошел в комнату, потоптался, да ушел прочь. Так ведь? Причем топтался он долго у детской кровати, тогда как ребенка, как вы сказали следователю, в квартире не было – он был с вами. А Яна просто ждала вас в квартире. Вы не оставили ей ребенка, она не сидела, как обычно, с ребенком, пока вас не было. Она просто вас ждала, а дождалась собственной смерти. Это ведь очевидно!

Женщина держалась из последних сил...

-Очевидно, что объектом киллера был ребенок, а не Яна и не вы! Получается все просто и скоро следователь схватится за эту версию – ребенка убил бы тот, кто имеет какое-то отношение к вам, или и к вам, и к нему. Это может быть биологический отец ребенка, а может быть и ревнивец, которому вы отказали. Наконец, это может быть маньяк-убийца, которому вы и ваш ребенок приглянулись. Вы поймите простое – я не следователь и моя задача сразу решать вопрос с клиентом, чтобы не возвращаться к нему; моя задача ухватиться за ниточку и самому расследовать дело до конца, чтобы получить гонорар. Наконец, я ведь могу преподнести все таким образом, чтобы нежелательные места в расследовании оставались сокрытыми. Я имею такое право, потому что не являюсь официальным лицом. К примеру, представьте, если бы все было так, как я вижу, что убийца открыл дверь ключом, наткнулся на Яну, убил ее, прошел в комнату и не обнаружил ребенка, тогда можно было бы преподнести все как преследование вас со стороны маньяка-убийцы. Следствие с такой версией непременно зайдет в тупик, а поскольку убийства такого вида больше не повторится, убийца останется на свободе, но, когда, наконец, он узнает, что ребенок

жив, и вы живы, он ведь непременно повторит свою попытку. Более того, судя по почерку, работал действительно профессионал – не каждый легко может проникнуть в квартиру, если вы утверждаете, что никому не давали ключи, и не каждый умеет так виртуозно обращаться с оружием. В вашем окружении нет профессиональных киллеров, зато могут быть шизофреники с возможностью... заказать убийство... Вас все равно убьют, как пить дать... Кстати, можно стакан воды?

Он ожидал этой реакции... Он потянулся к ней, или просто сделал какой-то неопределенный жест, и она отпрянула от него. Зрачки ее были расширены, на лице гримасой отображался страх... На какое-то мгновение он решил, что она свалится с табурета, и потому потянулся к ее руке, чтобы удержать. А она все поняла по-своему и отпрянула – вскочила на ноги, ушла в сторону кухонной двери, а когда убедилась, что Петров оставался на месте, и более того, выглядел невинной овечкой, ничего не понимающей, она взяла себя в руки, снова сникла... В ушах звучали слова Петрова: "Воды, воды..." Она налила в чашку из чайника кипяченой теплой воды и протянула ему; сама не зная почему, подходить не стала. Тогда он встал и подошел к ней – они оказались близко друг к другу, так что ее грудь касалась его, а она смотрела на него снизу вверх и один глаз ее косил... И снова – ужас обуял ее, но сопротивляться не могла; все это уже было в ее жизни, и было совсем недавно; все это она пережила, вот только теперь будто с какого-то момента сердце оборвалось...

Она услышала свой собственный голос:

-Я знаю, кто это мог сделать. И вы правы, - он придет еще. Я думала об этом, но.. мне не к кому было обратиться...

Петров стал отступать от нее – вернулся на прежнее место; а она, оставшись в отдалении от него, заторопилась в своей речи, и руки при этом прижала к груди.

-Следователь спешил как-то... Да и не понял он меня, когда я ему намекнула, что Яну никто убивать не хотел. Он сказал мне, что Яну убили из-за деда, потому что Яна была единственной наследницей его дела... Мне как-то странным это показалось, потому что Яна не такая, чтобы такими делами заниматься. Это была очень странная девушка с тонко организованной психикой, широкой душой... Я бы больше поверила, что ее сам дед убил, потому что они так конфликтовали, особенно в последнее время... Но... Но дед бы на такое не пошел.. Да и не об этом... Я... Не верю, что ее нет. Мы любили друг друга, она очень

радовалась, что у меня, наконец, родился ребенок. Мы с ней как семья жили. Она вообще хотела ко мне переехать жить. Она сказала, что купит мне квартиру и мы вместе будем растить Никитку. Ребенком она еще была – хорошим душевным ребенком... Понимаете?!

Петров еле заметно кивал, смотрел на нее. Это круглое лицо женщины в возрасте за сорок, сейчас раскрасневшееся, будто светилось в окружении мрачной тоскливой жизни; оно, это лицо, хорошо бы руками обнять; это лицо можно покрыть поцелуями, и быть счастливым, что судьба подарила такого человека... Сколько людей пришлось повстречать Петрову за время работы, и изредка он мог испытывать сильные чувства, однако же никогда не вмешиваясь в чужую судьбу. Он умел влюбляться и любить человека, не притрагиваясь к нему руками, а только лишь взглядом, только лишь чувствами, которыми сердце переполнялось в такие минуты...

-Как он может узнать, что вы живы и Никитка тоже?

-Он может позвонить. Я потому не сразу беру трубку, а если поднимаю трубку, не говорю первой. Но он может приехать... Я ему не открою, конечно... Но... Но как вы докажете, что это он мог сделать.

-Просто, Инна, просто. Поверьте мне, кто посягает на любовь человеческую, тот очень скверно заканчивает жизнь. Яну не вернуть – это факт. Но вас надо уберечь, и Никитке дать возможность прожить свою жизнь. Давайте договоримся с вами – вы никому не говорите ничего лишнего, а я к вам скоро зайду и расскажу, что безумный человек лишен возможности причинить вам зло. Это только кажется, что зло может быть роком, что оно ненаказуемо, тогда как все это зло может быть средоточием всего лишь воли одного человека, который наделен, и слава богу, плотью... Все решится в одночасье, если я докажу его прямую причастность к убийству...

-Больше некому это делать... А он сейчас стал крутым, сам говорил, что может решить любые вопросы... с любым человеком. Я и подумать не могла, что он имел ввиду...

-Вы его обидели?

Она резко умолкла, просмотрела в собственном воображении события, которые произошли – все то, что ей пришлось, вероятно, не по собственной воле пережить, и сказала, как-то вызывающе глядя на него:

-Не я его обидела, я защищалась как могла. Тут даже не важно, что я ему сказала. Он... Он... Он такой человек, который... идиот! Его надо знать, его надо видеть, чтобы понять, что это... волк в овечьей шкуре. Вы понимаете, он обладает таким удивительным качеством казаться самой добродетелью, самой скромностью. Он так особенно ведет себя с мужчинами, которые сильнее его в чем-то. Он кажется своим парнем, а потом, если возможно, он подличает... И сжигает все мосты... Он таким был, когда жил в Ленинграде... О нем все плохо высказываются, а я приняла его просто из любопытства, да и не могла даже представить, насколько он опасен, что он полезет приставать...

-И ничего не случилось, в смысле насилия. Судя по вашему рассказу, он ничего не сделал?

-В том-то и дело... Может поэтому так обозлился. У меня еще сердце все врем прыгало, когда я вспоминала, как он смотрел на меня, когда мы отошли, отступили друг от друга...

-То есть он напал на вас, а потом отступил?

-Ну да, вот здесь все и произошло. Он когда отступил, вернее, когда я его оттолкнула, он стоял, как настоящий идиот, с раскрытой ширинкой, и хозяйство его... извините пожалуйста, свисало.., – она сморщилась – Это так мерзко смотрелось, он таким жалким выглядел. Вспоминать тошно... Но не могла я рассудком понять, что человек способен на такую месть... И ведь сам-то он не смог бы убить. Как будто у него был знакомый киллер... Неужели из-за этого? Господи!... Яночка... Девочка моя!

Он подождал, пока к ней не вернулось успокоение: выглядела она уставшей, немного даже сердитой.

-Инна Виленовна, слушайте меня внимательно, а я расскажу, что было в тот день... - Петров встал, усадил ее на табурет, а сам почему-то отошел к окну, так что она не могла хорошо видеть его лицо из-за света за его спиной – из окна, зато силуэт его четко рисовался, и изредка, когда поворачивался как-то удачно, свет в зрачках его преломлялся так, что взгляд искрился, придавая его образу мистический смысл. Во всяком случае, вместе с рассказом, да на фоне собственных воспоминаний, все это действие повергло ее в ужас...

-Вы вошли и увидели труп Яны. Так! Потом, естественно, вас понесло в комнату, потому что оттуда доносился плач ребенка. Так. Вы испугались ужасно, что ребенок испачкан кровью. Вы взяли его на руки и он оказался невредим. Вы учуяли запах обыкновенного кетчупа, но вдаваться в

подробности не стали, а инстинктивно все убрали в стирку... Инстинктивно вы больше всего опасались вовлечения в эту историю ребенка, больше всего не понимая, за что и кто вас хотел убить – вас и вашего ребенка, Никитку, вы постарались отставить рассуждения на эту тему на потом – как раз на такой момент, когда мы и встретились. Есть только один человек, который на такой пошел бы, потому что мотив может быть только у такой личности, как это ваш давний знакомый.. Так?!!

-Он в Москве работает и живет. Вы запомните, или записать вам его адрес и телефон?

Петров подумал, что за ту сумму гонорара, которую ему обещали, он с одного чтения всего "Евгения Онегина" бы запомнил, а вслух сказал, что запомнит.

Она и проговорила все, что знает об этом человеке, а когда он засобирался, остановила его вопросом, впрочем, совсем не ожидая от него согласия:

-Может попьем чая? С вами мне как-то спокойно стало, странно... А Никитка поспит еще... И все-таки, как вы обо всем догадались?

-Если б я знал, как у меня всегда получается, я бы стал думать и от того делать ошибки... А так – смотрю в человека, и вижу все, а когда знакомлюсь с делами, стараюсь видеть все, что было – в деталях... Кроватка на фото с места происшествия была устлана тщательно, тогда как вы человек больше... творческого уклада, и все остальное в вашей комнате не столь тщательно прибрано... Да и всяких мелочей много, - Петров улыбался открыто, не кривляясь перед ней. – Вас шли убивать, и ребенка тоже, а киллер, вероятно, получив деньги за двойное убийство, сымитировал исполнение заказа полностью, чтобы получить вторую часть гонорара. Ребенка, как видите, профессионал не смог убить, тогда как законопослушный гражданин – запросто. А следователю из прокуратуры трудно было отказаться от такой заманчивой и шаблонной версии, в соответствие с которой состав преступления складывался из фактуры прошлого и настоящего в профессиональной деятельности Ходова Бориса Яновича, бывшего... - и тут Петров длинно перечислил все регалии известного в прошлом партийного функционера, и сказочно богатого нынче человека...

Инна молчала какое-то время, а потом и выдала свою резюме:

-Яна оставалась у меня часто, но в тот день она должна была быть у деда, если б они не поссорились накануне... Значит, получается, я бы лежала на ее месте...

-Да. И вашим делом занималась бы райотдел милиции. Сразу бы такое дело перешло в разряд "глухарей" – чисто сработано, даже пистолет на месте преступления, Чисто заказное убийство... Учительницу физики убил киллер-профи. Забавно. Чем же она занималась?

-Яна, девочка... - плакала Инна, утирая слеза ладонями. – Вы только не уходите сразу... Я ведь одна осталась. Кроме Никитки у меня никого больше нет... Странная это жизнь... Его поймите, а то ведь такой не успокоится,.. не успокоится...

-Поймать его – дело времени. Доказать его причастность, - дело техники. Зато наказание его ждет отнюдь не "законное" – это уж точно! Ходов – человек без комплексов, без морали, и без бога в душе. Мстить будет, будто самому Богу доказывая что-то, за то, что через внучку прекратил весь его род. Он ведь тоже одинок – дети его погибли – один от наркотиков, а дочь с зятем в автомобильной катастрофе. Вот и оставалась одна Яна...

-Знаю... Знаю... Тоже думала об этом... Вы только не уходите сразу, давайте попьем чаю... С вами спокойно очень... Мне в последнее время не было так... спокойно...

* * *

Вчера, до самого до вечера, Петров занимался всякой всячиной, все откладывая на потом думы о деле, а когда наступили сумерки, поужинал вместе с женой и дочерью, и ушел к себе наверх, растопив предварительно камин. Там, наверху, было уютно – у окна стоял стол с лампой под старину – в виде светильника, что работали на масле, коптили, и которые надо было задуть, отведя в сторону стеклянную колбу; в углу стояла кровать, на которой он засыпал, если засиживался допоздна, и чтобы не будить зазря жену; и главное, стены были отделаны *под бревно*, будто бы дом был бревенчатым, что, как ему казалось, как-то да сближало его с его родовым прошлым, поскольку все его предки были из Сибири, и только дед после

семнадцатого года переехал в Петроград, занялся революционными делами, чтобы потом быть репрессированным, расстрелянным, затем реабилитированным... Этот факт когда-то мог повлиять на его судьбу тоже, это когда его изучали, чтобы принять в органы на службу, но почему-то он прошел на закате развитого социализма, когда болел очень Брежнев, когда Андропов намеревался начать борьбу с коррупцией в стране, когда многие вопросы решались по звонку. Отец Петрова работал на значительной должности в районном исполкоме и детей своих вырастил в достатке и в правильном отношении к социалистической действительности. Когда скончался от инфаркта, Андрей был уже освобожденным секретарем комсомола, и готовился к приему на работу в органы... Да и сестра его успела удачно выйти замуж, чтобы вместе с мужем уехать, вначале в длительную командировку в Данию, а потом, после ельциновского переворота, и вовсе остаться на постоянное жительство... в Германии. Дети ее не знали страны Советов и революций, и, как потом убедился Петров, знать не хотели, а Нинка – сестра его – всегда отличалась характером кошки, которой хорошо там, где сытно и тепло. В последний раз они виделись давно, так, что и не припомнить сразу, чтобы без подсчета на пальцах обеих рук.

...Петров включил свой компьютер, вставил флешку, начал изучать материалы дела. Судя по снимкам и по заключению судмедэксперта, стреляли с расстояния в пару метров; а по пулевым ранениям – в грудь и в голову – можно было судить о квалификации убийцы. Застрелили ее у подружки в квартире, когда дома девушка Яна была одна. Допрос подружки, в чьей квартире она находилась, отработка всех связей подружки и Яны ничего не дали. Получался классический "глухарь". Действительно, зацепиться было не за что. Вот и оставалось предположить только, что все концы ведут к деду, чья жизнь в прошлом, в настоящем, может быть, и состояла из сплошных "зацепок"...

Петров встал из-за стола, подошел к другому окну, из которого открывался вид на кусочек родной земли, которая отнюдь не была в его собственности, но часто вспоминалась ему в длительных командировках; в последнее время вообще просто так, стоило подумать о даче, стоило почувствовать себя плохо. Здесь когда-то он начинал строиться и мог смотреть на этот

"кукольный" кусочек с высоты человеческого роста. Впрочем, тогда все начинали строиться и поутру будил его стук молотков, звук пилы, громкие разговоры. Тогда сквозь деревья и кусты разглядеть друг друга было сложно. Потом много срубили, появились крыши домов. Что-то изменилось, но остался вид на свою жизнь в минуты покоя, легкости на сердце, когда можно не думать о главном и важном, о насущном и тягостном, когда можно просто пребывать во времени, будто не перемещаясь в собственном существовании из прошлого в будущее, будто имея право считать это коловращение чистой формальностью.

Когда он построил второй этаж, вид с пригорка, на котором стоял его дом, изменился, и теперь можно было думать, что на высоте в несколько метров ты действительно отстранен от всех сложностей; от шума вообще, особенно если стоять у открытого окна ночью, когда за сеткой бьются бабочки, и из-за матового оттенка мир внешний кажется иллюзией. Словом, нравилось ему вот так вот постоять перед окном и посмотреть, как теперь казалось уже, в свое прошлое, которое с высоты нынешнего времени видится далеким, неинтересным... Все, что было тогда важным, теперь стало бессмыслицей, и только то, что оставалось с ним в образах сына, дочери, жены, памяти о родителях, имело хоть какой-то смысл, хотя объяснить этот смысл он бы не смог тому, кто привык прежде и всегда думать только о себе; а тому, кто не обучен такому правилу жизни, объяснять ничего бы не пришлось...

Вот и Ходову не пришлось объяснять ему, что потеряв свою внучку, он терял не состояние, которое хочется уберечь после жизни как смысл собственной жизни, как венец ее, а то, что имел каждый день, все еще оставаясь в этом мире.

-...Когда тебе далеко за семьдесят, - высказал он сентенцию, - тебе лично уже нечего терять, но! - и тут он выставил палец в знак восклицания, - никто не имеет права у тебя отбирать то, что ты не намерен отдавать, а тем более чужую жизнь, которая даже тебе не принадлежит полностью! Ты понимаешь, о чем я?

Петров кивал, зная хорошо, как любят люди подобного рода и такого возраста порассуждать - помудрствовать... лукаво.

-У тебя у самого дети есть - сын и дочь. Ты меня должен понимать. Ведь если их кто-то отнимет у тебя, ты ведь глотку перегрызешь! Потому, если бы кто решил тебе напакостить, он должен был бы вначале тебя устранить, а потом уже твоих детей.

Спросишь, зачем детей? Отвечу – чтобы больнее было тебе, даже если нет того света. Больнее от мысли, что твоя жертва недостаточна! Значит тот, кто убил мою внучку, тот преследовал вполне конкретную цель – сделать мне больно, украсть у меня смысл всей моей жизни, украсть у меня прошлое и настоящее, лишить меня будущего. Тот, кто убил Яну, тот знал меня слишком хорошо, чтобы ошибиться. Понимаешь?!. Вот и получается такой расклад, что это своего рода вызов – мне, Ходову, перед которым трепетали воры в законе, к которому из Кремля приезжают старые большевики и считают это за почет! Тот, кто сделал это, отомстил мне!

Этот монолог происходил в конце их встречи. Старик вышагивал по своей многометровой веранде с заложенными за спину руками. И походил он больше на писателя, чем на политического функционера – одного из тех, что запросто продали страну ради возможности сохранить и приумножить свои привилегии и капиталы после отставки...

-За то отомстил, что когда-то я вышвырнул из города его брата. Москвичи всегда отличались наглостью – это их коренная черта! Но питерцы – они всегда отличались вольнодумием; это у нас поперли кукурузника, мы могли работать так, как считали, должен работать коммунист!

Глаза этого коммуниста засверкали молодым задором, он даже чуть выпрямился в спине, помолодел лет на десять.

-...А эти, особенно после брестского договора, совсем распоясались. Мало нам своих отморозков, так они полезли перехватывать наш хлеб. Так вот я ему здесь и перекрыл здесь кислород! Отвалили они, затихарились, потом решили показать свою силу. Хотели меня устранить, а наши чекисты быстренько приструнили их, да под статью о терроризме подвели. Тогда только начиналась эта тема. Ну, и я тут не при чем, что его старшего брата в дни путча шлепнули прямехонько в голову-то... Вот и думаю я, Андрей, что брат его младший нынче отомстил мне! Другие версии меньше всего подходят, понимаешь?!

-Есть еще одна версия... - вставил Петров.

-Не понял?! – выглядело так, будто бы Ходов возмутился...

-Уточняю, – легко продолжил Петров. – Возможно, не вашу внучку шли убивать...

-На чем основана твоя версия? Менты от нее отмахнулись...

-Пока на интуиции... Вас бы не так наказали...

Ходов опешил. Вытаращил глаза, и посмотрел на Петрова – нехорошо посмотрел, как если бы обнаружил вдруг убийцу.

-А как бы меня наказывали?

-Не знаю точно, как... Я не задумывался над этим - не рассматривал в деталях... Слишком мало информации о вашей личной жизни...

Ходов махнул рукой, видать ему стало плохо; сел в кресло, откинулся на спинку.

-Мне говорили про тебя много лестного, но еще больше поливали тебя – ты там насолил некоторым чинам, да и генералов, смотрю, не жаловал.

-Не всех, а только двух! – без мимики, практически не изменившись в лице, спокойно ответил Петров, – и то позволил себе высказаться после рапорта об увольнении...

-Да мне-то наплевать на этих, – указал он куда-то в сторону юга, – знаю их не хуже твоего! Выслужились, рвутся в Москву! Хрена им будет, а не Москва. Таких холуев я всегда держал на коротком поводке! И таких как ты – подальше от себя! От вас не знаешь, чего ожидать! Но вот, получилось так, что вынужден к тебе обратиться, потому что в людях хорошо разбираюсь. Ты ведь не станешь подтасовывать, чтобы меня успокоить, и деньги заполнить?! А?!

-Нет, не стану, – отвечал Петров просто так, будто азбуку читал наизусть.

-То-то же! – сказал Ходов и на некоторое время умолк, погрузился в свои собственные мысли; стал смотреть куда-то вниз – на колени свои, что ли...

-...А в общем, конечно же, все дерьмо! Помни только, хорошенько помни, что это – *внутреннее расследование!* – произнес старик гробовым голосом, и не прощаясь, ушел.

В спину ему смотрели все, кто присутствовал при встрече. И тут же к нему приблизился один из них, что стоял рядом и представлял из себя, вероятно, начальника охраны, или, можно сказать, личной безопасности Ходова. Он потом назвался Николаем Александровичем, сказал, что будет курировать его, Петрова, работу. Петров еще раз глянул в сторону, где скрылся Ходов, будто призраком увидел согбенную фигуру человека, и подумал только, что вряд ли тот справится с собой, когда все точки над "i" будут расставлены - жить после ненависти и злобы неважно, если некого больше ненавидеть, а ненавидеть больше, чем сейчас, старику уже не дано будет. Получается, ему,

Петрову, дана возможность просто убить своего классового врага? От такой мысли его губы скривились в ухмылке, что, однако же, никто не видел – в это время они шли по коридору в сторону дворика, в котором его ждал автомобиль.

– По телефону называй меня Колей – просто Колей. Вот тебе флешка – на ней все материалы, которые тебе нужны, чтобы въехать в дело. Звони в любое время.

На обратном пути в город Петров отчетливо вспомнил, что в начале встречи Ходов разглядывал его, некоторое время не приближаясь, не вставая с кресла. Пауза растянулась до неестественности, будто все они разыгрывали театральное действие. Потом старик поднялся и направился к нему. Что-то мелькнуло в голове Петрова, и он забыл. А теперь это что-то заново образовалось отчетливым видением перед его мысленным взором – он увидел девушку, будто бы стоящую между ними, и она обращалась к нему, к Петрову, с какой-то просьбой, с мольбой, что ли. Может быть из-за этой своей фантазии он продолжал соглашаться расследовать дело, чтобы не огорчать старика, поскольку ничего не стоило повести себя таким образом, чтобы повернуть встречу "вспять" – помочь Ходову принять решение об отказе от его услуг. Это можно было бы сделать даже очень просто, если выразить на лице "неподобающее" отношение к чужому человеческому горю. Наверное, где-то в глубине души Петров и рассчитывал на такой шанс, если б не эти его фантазии, будто этот призрак мог считать его состояние с точностью до всех нюансов... Удивительное дело, думал он, впрочем, уже давно привыкший к особенностям своей психики, – что от образа, который он галлюцинировал, не шло никакого желания мести за собственную смерть, а было только сочувствие к деду. Вероятно, она его любила... Любила того, кого десятки, сотни, а может и тысячи людей ненавидели лютой ненавистью...

Вот так продолжая еще всматриваться в него, Ходов рассказал, что его внучка была у своей подруги – в прошлом ее репетитора по физике, когда она еще в школе училась. Осталась одна, потому что хозяйка попросту задерживалась; вообще, как потом выяснилось, жила у нее. Когда открылась дверь, девушка посчитала, что подруга вернулась, судя по всему пошла ей навстречу. В проеме между комнатой и коридором ее и настигли две пули, отчего она упала на спину. Полицию вызвала подруга. Звать ее Калининой Инной Виленовой. Вот и все.

-Отработали все версии. Даже ту, что покушались не на Яну. Но у этой Инны и связей-то нет. Отец, от которого у нее ребенок, состоит в браке, проживает в другой стране, да и вовсе не знает, что у него есть ребенок в России. Работает подруга в школе – учительницей. Подруг, кроме Яны, у нее не было. Она вообще, какая-то странная – тихая, одним словом – размазня. Я знал об их дружбе, и радовался, что она не болтается со сверстниками. Яна была необычной в этом смысле... - тут дед затрясся, но быстро справился с собой, продолжил твердым голосом. – У девочек нечего искать, да и у кого из их окружения могут быть такие деньги, чтобы нанять такого высококвалифицированного киллера. Наконец, они не ходят косяками – такие профи. Легче было бы просто нанять шантрапу, чтобы за что-то отомстить – вон, полно наркоманов и гопоты всякой! Нет, здесь явно целились в меня.., и попали, – он снова затрясся – делал это как бы впопыхах, как что-то должное, или, так случается с человеком, когда в процессе разговора его одолевают сильные боли и он нервничает, будто желая поторопить приступ, чтобы поскорее избавиться от него. - Я бы уже дал команду отработать ответный ход, но... все-таки мне нужны веские доказательства – там старший брат был личностью, а младший – просто убудок, который больше радовался, чем переживал, когда погиб брат... Ему оставалось такое наследие. Теперь это холдинг, - он один из тех, кто застраивает столицу этими убогими голубятнями... Да там верховодит больше не он, хотя, теперь, может он и решился на такое? Это единственная версия, которая для меня имеет смысл... Больше никто бы не решился... Никто, это я точно знаю... Девочке моей я оставлял спокойный бизнес, безопасный...

-"Безопасный"... - шептал Петров, теперь находясь на большом расстоянии от этого старика с его несчастьем, от всего того мира, который умирал, будто утопая в болоте... И видел он старика по пояс в воде, и шептал ему, будто паря над ним, потому что не касался воды, не чувствовал *мокрого холода*: "Ты, старик, возомнил из себя черте что! Никому ты уже не нужен, кроме своих тараканов!"

...И вздрогнул. И оказалось, что задремал, что лежит на кровати; в окно светил рассвет, лампа осталась включенной. Оказалось, что он проспал всю ночь – вот так вот в одежде. Вчера просто прилег, чтобы что-то там додумать, и заснул.

Петров встал на ноги, потянулся. Подошел к столу, включил компьютер. Затем загрузил страничку допроса этой Калининой Инны... Виленовны, прочел внимательно и его осенила простая догадка – точно, сыскарь не доработал со свидетелем. Да и некоторые детали на фото с места происшествия ломали основную версию.. Просто и легче было списать все на врагов Ходова, тем более, что такой расклад больше всего устраивал главного заказчика расследования.

Он набрал номер телефона куратора Коли, сказал, что ему нужно допросить Калинину. Тот только уточнил, где будет удобно – в прокуратуре или у нее дома.

-У нее дома.

-Нет проблем. Ее оповестят о вашем звонке... А вы все-таки позвоните ей, потом идите, – сказал Коля. – Она на нервах...

-Конечно! – отвечал Петров. – Понятное дело, не так часто убивают в собственной квартире.

На том конце помолчали некоторое время –должно быть прислушивались, нет ли иронии в словах Петрова, потом спросили:

-Вам билеты в Москву на какое число брать?

-Я позвоню после беседы с Калининой, – сказал Петров.

-Добро! – отрапортовали ему в ответ.

В окно светило солнышко, и оно показалось ему веселым; выглядывало из-за дальних деревьев в окружении красных облаков, которые нанесли на холст неба небрежными широкими мазками. Только на даче, в этой комнате, поутру он мог так радоваться предстоящему дню. Отсюда жизнь грядущая виделась радостной, как этот осенний рассвет...

* * *

Рогозин смотрел как работает маятник. Есть такие настольные сувениры, замысловатое движение которых иной раз способно отвлечь от умственного напряжения; особенно получается отбыть в состояние ступора после длительного разговора, или в конце рабочего дня, или если совершенно ничего не хочется делать. Он был уверен, что сегодня сумятица мыслей наступила не в его голове, - скорее, это было следствием

того ощущения хаоса, с которого началось утро, когда он проснулся и понял, что его ждет целый рабочий день. Хаос передался мыслям и поскакали они врассыпную, как блохи... Хм, а где он в последний раз видел блох? И когда?..

Маятник успокаивал что-то в области груди – сердцу становилось все легче и легче – теперь не слышно было гулкого ритма, и вроде тело не содрогалось при каждом ударе.

...А это было забавно – послать людей вон из своего кабинета – просто выставить за дверь. Ему тогда почудилось, что так надо поступить, что так будет верно – скорее закончится день.

Стоп! Не об этом сейчас он думал. Он думал, что надо бы снова выпить кофе с коньяком, потом поехать в спортзал и дать жару этому Ромке. Ромку ставили для него как мальчика для битья; Ромка был хорошим боксером, в недавнем прошлом титулованным на соревнованиях высшего уровня. Этот Ромка ушел из спорта и стал подрабатывать в клубе после того, как его обманул его хозяин, когда он получил сильную травму и врач обещал ему скорую смерть, останься он на профессиональном ринге еще хотя бы на один раунд, пусть даже со средней руки спортсменом. И Ромка ничего лучшего не нашел, как стать спарринг-партнером – мальчиком для битья. А ему, Rogozinu, ничего больше не приходило на ум, каждый раз, когда они вставали в ринг, как послать его в нокаут. И то ли зная, что это невозможно, то ли будучи уверенным, что такого боксера не послать в нокаут, Rogozin лупил его нещадно, чаще промахиваясь, и всегда попадая перчаткой в глухую оборону. Что-то же было в этой бойне сладостное, завораживающее, до щекотки где-то там – под ложечкой, раз он, зная что у него ничего не получится, бился и бился, не разрешая – отказываясь от предложений тренера встать с бойцом, которого можно послать куда угодно, не только в нокаут. Он верил, что однажды этот Рома прозевает удар и получится, что он послал, завалил бывшего чемпиона... Rogozin платил хорошо – больше всех, и его берегли...

С какой-то бумагой вошел в кабинет Бимкин. Он постучался, подождал несколько секунд, приоткрыл дверь, засунул голову в промежуток, присмотрелся к лицу своего шефа, и потому, наверное, решил, что входить можно, раз Rogozin не проявил явного раздражения – Rogozin поднял голову и ничего не выражая лицом, просто посмотрел в сторону двери. Поначалу

даже не сразу понял, кто стучится, кто хочет нарушить его покой...

Этот Бимкин что-то проговорил по поводу вечерней сверки остатка на складе одного из заводов, подошел к столу и подал бумагу. Его лакейские повадки не раздражали Рогозина. Напротив, что-то елейное, успокаивающее привносилось этими манерами, будто на рану дули; ему оставалось разве что проговорить что-нибудь эдакое: «Не плачь, все пройдет! Вот подую и пройдет...» Бимкин подал бумагу, на которую надо было смотреть не долго, если не вникать глубоко. Он помнил вчерашнюю цифру, интуитивно мог предположить, что сегодня получится, и когда цифра не отличилась на много, подписал бумагу, а потом вдруг добавил резолюцию: «Отправить на проверку в ЦК». Шокирующая аббревиатура сегодня могла означать всего лишь придумку самого Рогозина – Центральный контроль. Этот отдел был создан на базе Службы безопасности, обойти его, как-то попытаться найти язык с кем-либо, было практически невозможным делом, потому что людей Рогозин туда подобрал сам, платил им собственноручно; наконец, не все умеют кусать руку дающего...

Он снова всмотрелся в лицо Бимкина – человека, чей биологический возраст несколько не соответствовал тому впечатлению, которое он создавал с самого первого взгляда. Когда-то ему рекомендовали специалиста по части инженерных тем, а в общем покладистого, исполнительного малого, с которым у него никогда не возникнет проблем. Более того, тот, кто ручался за своего бывшего однокашника, был уверен, что специалист этот еще и покладистый человек – сама добродетель, эдакий бессребреник, альтруист и трудяга. Опровергнуть рекомендации Рогозин до сих пор не мог, но всегда прислушивался к некоторым проявлениям собственной интуиции, которая нет-нет, да бунтовала, вызывая чувство брезгливости, особенно от натянутости многих сцен, что происходили в общении, особенно от елейного голоса и лакейских манер, а больше от склонности самое простое в разговоре упрощать до невероятного, иллюстрируя мысль метафорой, паршивыми аналогиями. Высказывания в одно предложение Бимкин непременно уточнял эдакой картинкой: "Если применить такой формы крепление, то получится, как если бы клеем склеить влюбленных..." Особенно раздражала такая манера говорить, когда он как-то витиевато и быстро переходил на тон

наставника: "Ну неужели непонятно может быть, когда дважды сказано было, что нарушать дисциплину в нашей фирме нельзя, как нельзя спать на потолке..." Говорилось такое в лицо Рогозину, при этом он не мог возразить, потому что речь ведь шла о конкретном нарушителе порядка; вот и получалось вроде бы, что сам Рогозин потакал чьей-то прихоти, делая это по собственной слабости; и еще получалось, что этот Бимкин заодно радел за дисциплину более кого-либо – эдак не пройдет и года, как сам Рогозин попадет к нему на карандаш... Рогозин пока только фиксировал собственные наблюдения, пока только подстраивался под этого Бимкина, не совсем еще понимая, почему такое делает – срабатывала привычка человека отвечать взаимностью на чьи-либо старания во благо общего дела; так реагировал он по наитию, не смея портить отношения с тем, кто мог прогнуться перед ним, кто умел высказать вовремя похвалу, а то и вовсе откровенно восторгаться найденному решению, коли всякое решение должно было идти от начальства. Сам-то Бимкин ни разу не оказался нужным как специалист – и без него все срасталось удачно, но всегда чудилось, что он – Бимкин – приложил к этому свою добрую руку. Элементарная рассудочность позволяла отделять собственные фантазии по поводу добродетели этого человека от истинной значимости этого работника, и все-таки назойливой зубной болью свербело, что хотя бы за такую услужливость и такую покорность надо причислять Бимкина к когорте активных членов команды. Трудно было обидеть его, легче – оставить в покое, платить зарплату и поручать делать только то, что проверить можно. В конце-концов, связующим звеном в любом деле сможет выступать безынициативный тупой исполнитель, если он умеет ничего не испортить. Однако же, как не соответствовал его возраст его внешности, так не соответствовало *интуитивное впечатление* о нем с мыслями о нем. Так и хотелось иной раз обратиться к нему на "вы", учитывая возрастную разницу из-за впечатления от его образа; так и хотелось спросить его, а не замышляешь ли ты, Бимкин, какой-то пакости, раз всегда готов быть таким хорошим и пушистым? Разве сейчас тебе нужно показать эту сводную таблицу, или больше всего тебя интересует, каков я после скандала? Причем не по чьему-то посылу или намеку ты действуешь, а по собственной инициативе – вот чем ты отличаешься от всех остальных, кто был раньше...

Бимкин, плешивый, но с начесом волос сбоку на сторону лысины, как это делают те, что не хотят мириться с природой, в добротном сером костюме, пригнувшись слегка – еле-еле заметно, уловил-таки искры гнева в глазах Рогозина; тогда и спрятал свои чувства в эдаком смирении, серьезностью вида своего сейчас больше подчеркнув деловитость, чем услужливость. Владея хорошим зрением, он успел прочесть, пока Рогозин писал, резолюцию: "Отправить на проверку в ЦК"; успел кивнуть и пошел было к выходу...

-Леонид Алексеевич, как я их, а?! Считаешь – по делом?..

-По делом им, конечно! Чего стоит наша аренда!..

-А причем тут аренда? – искренне удивился Рогозин.

-Как при чем?! Лезть в чужой карман и тащить вместе с лопатником все деньги – это уж слишком, это просто наглость какая-то!

-Опа! – вырвалось у Рогозина и он, уже привыкший к особенностям логики Бимкина, откинулся на спинку кресла. – Лихо ты подвел.. статью! Лихо! Молодец. Ну ладно, иди. До завтра!

Бимкин просиял как тот самый двоечник, ответ которого не позволяет обескураженному учителю поставить какую-либо оценку, зато наводит на размышления, от которых всякий раз любой человек в здравом уме намеренно отмахивается... до поры до времени.

-Ступай, Леонид Алексеевич, с миром. – тихо проговорил Рогозин, когда дверь за его заместителем закрылась. – И да хранит тебя твой бог!..

Затем он набрал номер на своем мобильнике – так было быстрее, и позвал в кабинет другого своего зама – Владимира Петровича.

Тот вошел без стука, смешливый и немного наглый – резкий в движениях, решительный в действиях. Отодвинув стул, сел напротив Рогозина, заложил ногу на ногу, поспешил закурить, придвигая к себе пепельницу. Тут и Рогозин вспомнил, что курит.

-Ну что, Владимир Петрович, что скажешь?

-Ничего я тебе не скажу, кроме своего "фе". Я ни черта не понял. Может чего-то я не знаю?

-Ты знаешь не меньше моего. Наверное, мне на недельку надо будет отпуск взять, а ты, будто бы за моей спиной, возобновишь с ними... диалог, или как это называется у дипломатов. Они пойдут с тобой на сделку... Условия нормальные

– сам видишь, цены ниже рыночных, ну и все остальное – команда *ихняя* мне показалась сработанной... Так что... А у меня вдруг нервы по швам пошли, особенно когда эта рожа стала ухмыляться...

-Ты кого имеешь ввиду?

-Ну эта сучка с автозагаром на *морде лица*...

-А когда ты разглядел, что она смеется. Она вообще для антуража сидела. Он ее таскает за собой вместо калькулятора. Как оруженосца Санча-Пансу... Мне она показалась глупой женщиной, которую научили молчать и слушать...

Рогозин задумался, скривил губы; глаза его опустились – он всматривался в прошлое, что-то восстанавливал в памяти. Потом сказал тихим голосом:

-Ты знаешь, а мне до сих пор мерещится, что она ухмыляется...

-Понятно... - будто бы диагноз ставил Владимир Петрович. – Ты давно был с женщиной?

-Да пошел ты! Ты мне еще скажи, что мне нужен психоаналитик...

Владимир Петрович всегда создавал впечатление мужчины, которые легко знакомятся с женщинами. У него была одна единственная жена, насколько знали окружающие его, он ей не изменял; и неизменно покупал новые автомобили от фирмы БМВ. Однако досужие до сплетен люди делились с ближними по духу догадкой об основной черте характера этого человека – о скрытности, а учитывая прошлую профессию Владимира Петровича, припечатывали свои фантазии утверждением, что оттого он так идеален в отношениях с людьми, и оттого кажется таким преданным своей красавице – молодой жене, что... приучен конспирироваться... Действительно, как же мужчина с пышной шевелюрой, крепким телосложением, с усами, да еще и в возрасте под пятьдесят может быть хорошим семьянином... даже с молодой женой? (Женщина была не на много младше своего мужа – просто смотрелась очень молодой, и просто о ней никто ничего большего не знал, поскольку не случалось оказии, чтобы познакомиться поближе; в офисе посиделки и совместные мероприятия были запрещены; люди приходили только чтобы работать...)

-Про психоанализ говорить не буду, но что отдохнуть тебе пора – это ты правильно решил...

-Да. Как у Маяковского – «и никаких гвоздей»... Тебе этот Бимкин не мешает?

Владимир Петрович пристально посмотрел на него, отвечал, как показалось Rogozinu, честно:

-Нет. Что он есть, что его нет – все одно для меня. Сам знаешь, по техническим вопросам у нас консультант – дед Михалыч, так что, если что сложное и без ошибок, он с удовольствием за такие деньги к пенсии делает, а что касается всего остального – организации суеты, контроля и дешевого понта – твой Бимкин у дел, как никто другой. Во всяком случае, мне стучит исправно кто когда и на сколько недисциплинирован. Тебе его кто-то подсунул?

-Да нет, не то, чтобы подсунул. Попросили пристроить. Там жена просила, давно ее знаю... Да какая разница... - Rogozin занервничал, снова не понимая, почему его так нервировать может эта фигура. – Он из бывших военных. Сидел без работы – жил на пенсию, а скорее всего, на деньги жены – она не плохо зарабатывает...

-Чего психуешь?

-Сам не знаю... Не люблю таких, которые все елеем поливают... Хотя, вроде и придаться не к чему... Да ладно, пусть пока поработает...

-Пусть поработает на своем месте – не поручай ничего серьезного, не вводи в курс всех дел. Такие сдают и подличают легко...

-Ты думаешь?

-Я не думаю – я обобщаю.. на основании опыта работы с агентурой. Про него пока ничего сказать не могу – ни в чем не замечен. Кирьянов присматривается, поставил под контроль. Он же у нас любит поиграть с техникой... - улыбнулся Владимир Петрович – Проявится скоро, если что задумал... Хотя, если тебя нервирует, так и реши просто...

-Ладно. Решу. Пока пусть поработает. Если блевать потянет, просто уволю. Меня интуиция пока не подводила... Ты его от других дел держи подальше...

-Сделано! Ты его назначил замом, он щеки надул, заважничал. Я ему поручил за канцтоварами следить, он и присел маленько, однако ж гонору не убавилось, ни черта не понял, пентюх... Этот у нас надолго не задержится...

-Черт! Как будто я кому-то должен! Человек просил хороший... - искренне сокрушался Rogozin. – Давай вот что

сделаем: для начала я его приказом к тебе прикреплю, чтобы поменьше у меня маячил.

-Прикрепи–прикрепи... Мне хороший стукач не помешает...

-Ну вот и договорились. Может это и будет его местом...

-А потом «по служебному несоответствию» отправим, - закончил задумку Rogozina Евтеев Владимир Петрович – личность неординарная, личность с секретным прошлым. - И будет чем отчитаться перед "хорошим знакомым".

- "Невольник чести", - просто так, без театральщины произнес Rogozin.

Евтеев кивнул, так же быстро ускользая от недавней темы протянул руку для пожатия и ушел: то был конец рабочего дня и пора было уезжать...

Спустя минуту Rogozin позвал своего референта и в кабинет вошла девушка Лена.

С Владимиром Петровичем они встречались уже, когда он проходил мимо ее стола, и как всегда подмигивая, здороваясь, выспрашивал о положении ее дел... Сейчас, на встречном курсе, проходя мимо друг друга, они снова изобразили на лицах своих дежурные выражения – эдакие гримасы, как дети в начальных классах могут кривляться, испытывая друг к другу смешанные, странные, порою сдерживаемые чувства. Конечно же, нынче пребывая уже не в возрасте детском, они отдавали себе отчет в собственных чувствах – Владимир Петрович вообще презирал подобного рода женщин, а Леночка, прежде всего, боялась этого мужчины; знала, что такого своими привычными методами не подчинить, и потому готова была бы исполнить любую его прихоть, если б хоть однажды он обратился к ней без ерничества, без пространных намеков – вообще, если б хоть однажды он отнесся к ней всерьез. А так, естественно, приходилось подчиняться, подыгрывать, и, самое невероятное, – изображать на лице самое естественное выражение, которое можно в таких случаях изобразить, когда привык постоянно улыбаться натянуто, будто отдавая должное необходимости этикета. То есть, если Лена всем улыбалась своей искусственной натянутой улыбочкой, Владимиру Петровичу она была вынуждена улыбаться с какой-то *отчаянностью*, будто то был человек, способный видеть ее насквозь... Она бы и изменилась, если б могла; она бы крепко наказала этого мужчину, если б, как затравленный зверь не чувствовала себя загнанной в угол; она бы нашла способ втянуть и его жену, если б кто поверил в

«нечестивость» этого человека. Такие лены не сдавались до последнего, и не имея сил, начинали пробовать просто лебезить, угождать; они подчинялись безропотно, с ненавистью...

-Состряпай приказ по холдингу, – сказал Rogozin, – Назначаю Бимкина замом Евтеева Владимира Петровича – по хозяйственным вопросам. На подпись принеси сейчас, объявишь завтра. Все.

-Кофе сварить? – она продолжала стоять напротив него, он рассматривал с вниманием ее фигуру - делал это нагло, похотливо, с улыбочкой.

-Ты считаешь, что мне нужен кофе?

-Не помешает, чтобы взбодриться после таких переговоров, – с еле заметной ухмылкой проговорила она.

-Да уж... Свари хороший кофе – покрепче... Хотя, постой. Я ведь на тренировку сегодня. Сердце будет скакать... Не надо кофе.

-Ничего не надо?

Rogozin подумал, что будь она в детстве в подобной ситуации, небось бы стала переминаться с ноги на ногу. Он специально тянул паузу, потом поддался вперед, оперся локтями о стол, склонил голову, произнес тихо:

-Помассируй...

Она уже стояла позади него и руки – эти хрупкие на вид, а в действительности сильные, цепкие руки начали массировать его шею, предплечья. При этом она могла представлять эту сцену со стороны, будто на экран смотрела. И приятно ей было участвовать в таком представлении – исполнялась прошлая детская мечта, когда они жили в бараке, и в комнатухе, которую снимали, она просиживала часами перед зеркалом, представляя свою будущую жизнь – отчаянно представляя, что когда-нибудь закончится нищета, кончится пьяница отец, избавится она от причитаний матери, докажет всем в поселке за сто первым километром, на что способна... Тривиально, конечно, не интересно, даже не как история с Золушкой. Вот только в жизни ее кроме веры в способности старухи-матери притягивать наговорами удачу, ничего не было такого, что бы можно было назвать чудом. Так и пошла она шагать по Москве, то притягивая к себе внимание парня в институте, у которого была квартира, то сдавая экзамены на отлично, чтобы получить непременно красный диплом, то соглашаясь с альтернативой, когда один бросил, а на смену пришел другой – без прописки, без жилья, но

с перспективной работой. Теперь она уже не верила в быстрый успех, зато представляла хорошо, что... отступить некуда – за нею Москва; она сделает все только невозможное, чтобы невероятное стало возможным; она получит в руки права и на этого мужчину, загривок которого массировала с особым чувством...

Рогозин проходил сеансы у профессиональных массажистов, но должен был всегда признавать особый дар Лены, прикосновения которой делали его легким и счастливым, свободным и сильным. А в первый раз случилось как-то спонтанно, хотя со стороны выглядело так, будто бы не впервой она оказывает ему такую услугу. Просто он стал вращать головой, да с хрустом в позвонках шеи, а она, ничего не спрашивая, ни в чем не сомневаясь, будто зная точно, что именно ему надо, зашла за его спину и стала делать то, что потом так же естественно перешло в ласки вида более страстного, да с наслаждением. Тогда они, потеряв голову, рисковали очень: в конце рабочего дня кто-то мог задержаться; кто-то мог случайно войти и увидеть сцену такого рода взаимоотношений, поэтому впоследствии, предполагая, или надеясь, что и на этот раз случится "это", Лена ловким движением пальцев переключала запор замка в другое положение, и дверь за ней открыть больше никто не мог.

...Нынче, когда ее руки перешли в другую часть тела, а сама она оказалась перед ним, затем на коленях, он уже не беспокоился о «конфиденциальности».., зато мягко отстранил ее...

-У меня сегодня тренировка, да и... не хочу...

Не стала она настаивать – такого в правилах их отношений не было; только улыбнулась виновато, дескать, прости, но всегда готова, приподнялась, посмотрела ему в глаза – близко очень, и по каким-то понятным ей только признакам удостоверилась, что он прежний, и отношений их по-прежнему крепки, стабильны.

-Иди домой, – сказал он, – темнеет раньше, а подвезти тебя не смогу. Лучше сядь на хвост Евтееву.

-На его хвосте долго не усидишь. Он дальше метро не возит, хотя, знаю, живет недалеко от меня...

-Ну, ты уж договорись с ним сразу. А лучше прыгни к Бимкину на колени – этот тебя довезет...

От неожиданности она аж отстранилась от него, затем суетливо поправила короткую юбку – это из-за него она носила юбки, когда так хотелось уже, из-за холодной погоды, одеться потеплее – в джинсы, в брюки.

-Твой Бимкин обслюнявит только, как кот под валерианой, потом предложит что-нибудь непотребное..

-«Непотребное»... Интересно, откуда ты таких слов набралась? Это не из твоего деревенского лексикона...

Теперь она вспыхнула, впрочем, чтобы тут же побледнеть; глаза округлились так, как это бывает у людей, склонных к истерии – к яркому проявлению гнева, когда белки глаз окружают весь зрачок - так сильно раскрываются веки; люди эти могут долгое время не моргать, смотреть в упор. Вероятно, ответить ей было нечего; а может закоротило мысли в мозгу – неизвестно, сколько бы она стояла так, если б Рогозин не отшутился:

-Ну не грусти ты так сильно... - сказал зачем-то этот каламбур, – я ж люблю тебя подразнить. Ты когда вот так вот злишься, готовая меня зарезать, ты становишься чертовски потешной... Иди домой, и передавай своему Леше приветик от меня. Он хороший парень, и молодец, что умеет не замечать, на ком женился...

Он поднялся во весь свой немалый рост, кажется, будто стал наступать на нее. Она отвернулась и пошла прочь. Дверь за ней захлопнулась...

...Не мог он сейчас укорять себя за жестокость в словах, в действиях – не было ничего нехорошего или особенного в том, что он сказал. Лена представляла из себя яркий, хрестоматийный вид лицемерки, которая умеет отираться от плевков и петь здравницу во славу хозяина, получать бонусы и принимать подачки, стоять на коленях и ненавидеть в спину, причем, делая это не из чувства собственного достоинства, а от бессилия, потому что нет возможности встать на место сильного. Такие потом мстят и угнетают свое окружение, если становятся в ряд с имущими; они творят насилие с особой изобретательностью именно над душами тех, кто чем-то напоминает их самих в прошлой жизни; унижение и оскорбление становится для них единственным тайным способом отдохновения от извечного переживания за тех, кто все еще остается выше – в лучшей жизни; они не назовут себя завистниками, зато с восторгом отметят чей-то косой взгляд в свою сторону – при этом они не

ошибаются, и будто хорошие физиономисты, способны отличать выражение отчаянной зависти от выражения гневного отвращения... Жизнь их наполнена короткими победами и достижениями, когда, взобравшись на очередную вершину, наслаждаясь состоянием довольства, они пребывают в нирване наркомана, пустившего по крови дозу счастье... Но всякий раз, когда они встречаются с такими как Rogozin, они особенно чувствуют всю безродность своего существа, потому что, по их мнению, такие как Rogozin уже родятся... обреченными быть среди богов – за них старались их деда, отцы...

А Rogozin сегодня будет со всей дури бить Ромку, изматывает себя, чтобы добраться до постели с единственным желанием лечь спать. И приснится ему, что в его рот втекает река – булькает холодный живительный коньяк, который он жадно глотает, совершенно не давясь; и в счастье таком готов раствориться в вечности ...

Прошел месяц, как он "подшился", - теперь он не на шутку побаивался, что сойдет с ума...

* * *

В такие вечера Rogozin мог пребывать в трех ипостасях – философом на галерке, театральным критиком в партере, и действующим лицом на сцене – актером. Тот, что возвышался над всеми, и вместе с тем прятался от всех, был, действительно, незаметен – тот обладал способностью оставаться холодным безучастным наблюдателем, обладающим здравым рассудком; именно ему верил Rogozin, по выражению его лица он определял, что заходит слишком далеко, что пора бы остановиться. Хоть и редко доходило до того, чтобы поднять голову вверх и посмотреть на галерку, все-таки достаточно было одной мысли, что есть кто-то над ним, который вовремя может остановить его, если что не так. Другой, который маячил в первом ряду партера, а в общем, был единственным зрителем постановки, - тот своим видом показывал, насколько удачно получается действие, и доволен он или нет; одним словом, он был еще и режиссером. Зато третий, что творил действо на

сцене, мог позволить себе все – ошибаться, переигрывать, быть сластолюбцем, извращенцем, и, наконец, просто паяцем, если того хотелось... Ему, как безумцу, все сходило с рук; ему дозволено было творить свободно!

Сегодня сутенер привез вначале толстушку. Охрана в холле пропускала к нему после предварительного звонка, а здесь в пентхаузе он встречал их, дружески пожимая руку старому своему знакомому, чуть ли не *корешу*; после сутенер подвезет вторую, и так же чинно поднимется на высокий этаж. Сегодня, было несколько раундов в клубе с Ромкой – мальчиком для битья, – которого он так и не свалил, да в голову никак не попал, а если точнее – кроме как в блоки, которые запросто, будто нехотя, выставлял этот профи, он никуда не попадал, отчего не расстроился так, чтобы очень, но озверел; к тому же из-за постоянной мысли о запрете на алкоголь, постоянного желания выпить, в нем создалось такое напряжение, что не имея он возможности выплеснуть его вечером, ночью, он бы получил insult как минимум, или убил бы кого-нибудь на улице, как ему казалось...

Он никогда не пропускал сутенера внутрь своего жилища, и сейчас, заплатив ему на пороге, тут же закрыл дверь и обращаясь к проститутке, предложил ей разуться, чтобы дать ногам возможность пройти по ковролину. Она исполняла его советы как наказания, а он наблюдал за ее движениями, мысленно прикасался к ее ногам – полненьким, крепким – собственно, такую он и заказывал – по сценарию она шла первой...

Роскошная обстановка отразилась на ее лице – она восторженно осматривалась, а он следил за каждым движением на ее лице, пытался заметить проявления зависти... Эта простушка умела восторгаться, потому что не могла ему завидовать, как не всякому дано быть в соперничестве с богами – она принимала его как недостижимое и была благодарна, что хоть в роли проститутки может прикоснуться к другой жизни.

Он предложил ей сесть на диван, затем спросил деликатно, не согласится ли она выпить французского коньяка? Она закивала и он понял, наконец, что она еще новенькая в этом деле.

Потом он повнимательней рассмотрел ее тело. Грудь и пышные бедра обтягивала материя платья какого-то сиреневого или коричневого цвета. Так и подмывало спросить, каким было платье до того, как претерпело столько стирок, а потом он

подумал, что, может, просто у материи был такой цвет? Но тут он решил сосредоточиться на главном, и потому сказал:

-Меня звать Николаем, а тебя?

-Светой, - сказала она и голос ее оказался вдруг низким.

-Ты спортом занималась, гормоны принимала? – и не выслушав ответ, сменил тему, - Света, я хочу сразу объяснить тебе, хотя, думаю, ваш начальник Сергей тебе все объяснил – я люблю поговорить перед этим делом...

-Да-да, он сказал мне, что вы разговариваете как с людьми... Ну, в смысле, не только для этого...

-Отлично! Главное для тебя - быть откровенной! Тогда тебе еще доплачу...

Она поспешила закивать, чтобы не вызывать в нем сомнений в ее услужливости. Ей было-то еще лет двадцать с небольшим...

-...Главное, пойми меня правильно. Мы с тобой можем никогда больше не встретиться, как соседи в одном купе поезда... Поэтому, иногда можно быть откровенным просто так... Вот такой вот я извращенец... Ты кем работаешь?

Она не ожидала такого скорого перехода к началу представления и потому несколько замешкалась с ответом.

-Старшей медсестрой в роддоме...

-Ух ты! Хорошая профессия! Может у тебя и муж есть, и ребенок, как минимум?

-Да, - кивнула она, - есть. Мальчик. Ему уже три года. Митя...

-А мужу что ты сказала сегодня вечером? Что дежуришь?

-Нет, он знает. Я так подрабатываю. Меня вызывают, когда нужна... домохозяйка, как они говорят. Но я всегда с презервативом, даже если хотят доплатить. Фирма ведь солидная и проколов не было... во всяком случае у меня...

Он не понял, что она имела ввиду, но это было не важно. Он продолжал спрашивать:

-То есть ты хочешь сказать, что муж позволяет тебе иногда таким вот образом подрабатывать?

-А что делать? – пожалала она плечами. - Сами понимаете, лишних денег не бывают. Он ведь тоже халтурит постоянно...

-А он кем работает?

-Водителем. На фирме платят, но все деньги на жизнь уходят... Сами понимаете...

-Понимаю... - кивнул он и закончил своим коронным вопросом:

-Выйдешь за меня замуж?

Лицо ее менялось постепенно. Нет, не удивлением закончились изменения на этом лице, а сожалением. Она отлично отдавала себе отчет, что это всего лишь шутка и что в эту ночь ей придется общаться с обыкновенным садистом, который, в конце концов, насладившись всевозможными способами морального унижения, побарахтается на ней и, может быть, заснет...

-Выйдешь за меня замуж, - занялся он уточнением своей идеи, - если представишь, что я твой одноклассник, и что мы случайно вот встретились. Я заказал проститутку и пришла ты. Или это банально?

Она пожала плечами, отвернулась от него – посмотрела в сторону окна. Это движение насторожило его - обычно другие начинали водить глазами, представлять; вот тогда он и садился на своего конька, загружал человека воображаемыми картинками, создавал эдакий контекст для общения, что потом приводило его в восторг и он доказывал самому себе свою мужскую дееспособность.

-Ну хорошо, я открою тебе карты. Мне просто нужно решить одну жизненную задачку и я прошу тебя помочь мне, как сможешь. Я заплачу тебе сверх таксы именно за эту помощь. Столько же, сколько фирме...

-Да, но как я могу знать, вышла бы за вас замуж, если я не знаю, люблю ли вас? Надо ведь полюбить вначале...

Ответ своей простотой шокировал его, лишил на время способности соображать. Как же он не учел такую простую истину, что прежде, чем сойтись "навечно", люди влюбляются друг в друга... Другие говорили о быте, кокетничали, а то и вовсе начинали всерьез принимать правила игры – было все, что угодно, только не о любви шла речь.

-Ну, а ради будущего детей своих. Думаю и муж согласился бы отойти в сторону, раз он разрешает тебе заниматься проституцией... - нашелся Rogozin...

-Не знаю. Вряд ли. Он ревнивый...

-Черт побери! У нас получается какое-то ток-шоу...

И он вскочил с места, чтобы походить по комнате. Мысли путались – он не понимал ее логики.

-Стало быть, - начал вслух резюмировать, - из-за ревности ты откажешь в благосостояния своим детям? Вы оба – ты и твой муж - откажетесь от сытной жизни, от учебы детей в Англии?

-В Англии... - вторила ему Света, и тут только задумалась всерьез. – А зачем им учиться в Англии?

Он встал перед ней, хоть и ухмыльнулся, она заметила, что он начинает нервничать, пожалела, что втянулась в эту игру. А с другой стороны, - думала она, – разве у нее был выбор?

-Ладно, нам Англия не нужна. Но я понял самую главную для тебя вещь - для того, чтобы соединить судьбы, надо полюбить друг друга. Тогда следующий вопрос: скажи пожалуйста, а если бы ты не была замужем и имела детей, вышла бы за меня?

Она улыбнулась, да как-то даже с облегчением, отчего улыбка эта получилась по-детски откровенной, доброй:

-А кто из женщин не мечтал бы иметь такого мужа, не мечтал бы жить в такой квартире... - при этом она окинула взглядом интерьер комнаты.

-Верно. И вот он – вопрос на засыпку, Света. Скажи пожалуйста, а что меня может тянуть к такой, как ты? – он прошелся глазами по ее фигуре.

Женщина покраснела, смутилась вовсе, и опустила голову, прямо как невеста на смотринах.

-Я знаю, что толстая стала. Но мой ничего не говорит, будто не замечает. И потом, будь я как все, то и фирма бы меня не вызывала. Вы ведь попросил именно такую – толстую...

-Нет, ты мне на вопрос ответь, пожалуйста, что может меня тянуть к такой, как ты?

Привычно пожимая плечами, она ответила:

-Любовь?

-"Любовь"? – повторил он за ней, вместе с тем размышляя, что сцена получилась-таки, и оттого чувствуя удовлетворение.

-А кто его знает, за что человек любит? – вдруг пустилась в рассуждения Света. - Я вон до сих пор не знаю, почему вышла за своего Колю?

-Тоже Николай. Они, наверное, эти Николай все такие?

-Да нет, про моего так не скажу. Он, все-таки, меня и Митю любит...

-Ага, значит ты вышла за Колю не зная, почему, но потом полюбила его, потому что он сразу полюбил тебя?

-Да нет, не так... Просто я вышла за него, потому что мне было хорошо с ним, спокойно, уверенно как-то. Он ведь не виноват, что так мало платят, а все так дорого стоит...

-Так ты тоже его любила, я что-то не пойму?

-Получается, что да.

-Выяснили. Ты любила его тоже – вы с одного социального уровня и готовы были продолжать так жить всю свою жизнь. Теперь ты бы не отказалась перепрыгнуть на несколько уровней вверх, если бы не обязательства перед Колей?

-Какие обязательства?

-Да такие! Ты обязана жить с ним, потому что он когда-то любил тебя и ты когда-то любила его. Теперь вы с трудом сводите концы с концами и он способен отпустить тебя на ночь к клиентам, чтобы ты могла закрыть брешу в семейном бюджете, но! Но отдать тебя другому навсегда он не способен, потому что любит тебя. А ты любишь его? Так получается?

Она призадумалась и "зависла" надолго.

-Да не совсем все так. Вы как-то все запутали, усложнили. Мы просто живем...

-Отличный ответ! На пять! – он выставил вперед раскрытую пятерню, как это делали в его детстве все, кто получал "отлично" и делился своей радостью с товарищами.

-Вы просто живете и не мучаете себя бессмысленными вопросами... Давай посмотрим, получится ли у меня с тобой просто переспать? Раздевайся!

Светлана аж вздрогнула. Потом оправилась быстро от неожиданного приказа и стала исполнять волю клиента.

Рогозин стоял и смотрел, как спешно она стаскивает с себя одежду, высвобождаясь от платья, затем растягивая дорогой лифчик, купленный, вероятно, для таких случаев, затем снимает колготки и трусики, которые на таком большом заде имели более чем символическое значение – они были спутанной тесемкой, застрявшей между ее ягодичек и чуть прикрывшей бритый лобок.

Он ничего не чувствовал такого, что бы хоть немного взволновало его кровь. Можно было бы попросить ее прибегнуть к известным ухищрениям, чтобы просто стимулировать нервную периферию и добиться результата, но это бы нарушило чистоту эксперимента. Путаница в голове как раз не давала возможности сосредоточиться на сомнениях, чего, вероятно, он и добивался своими "игрищами"... Тот, что на галерке, знал о безумии актера. Но снисходить до сцены и быть лицедеем он бы себе не позволил

– его основная задача заключалась в том только, что он должен был наблюдать и констатировать... Забавно...

Другая проститутка пришла к намеченному времени. Она была с прекрасной фигурой и с натренированными внутренними мышцами. Свету он попросил оставаться в постели, сказал, что доплатит. Сутенер спросил, не совершила ли Света оплошности, на что Rogozin ответил с энтузиазмом и благодарностью, дескать, напротив, все прошло самым лучшим образом. Оставшись с двумя женщинами, Rogozin смог завершить процесс соития со второй естественным образом и достойно, минуя приступы слабости и бессилия: сегодня все получилось хорошо; как сказал доктор, постепенно выработается привычка совершать половой акт без участия алкоголя – нужно только разнообразить действие, нужна только фантазия.... Вот он и фантазировал, как мог...

Потом он попросил проституток убраться поскорее, что они с удовольствием и сделали.

Оставшись в одиночестве, он смело подошел к окну и отдернул штору. В черной пустоте на высоте пятнадцатого этажа, среди огней города висел его собственный лик, который оскалился и исчез, когда он отступил. Следовало ли сейчас позвонить той, которая его бросила когда-то?

Они бы поговорили так:

Он бы сказал:

"Это я."

Она бы ответила заспанным голосом:

"Я узнала."

"Мне прилететь завтра утром?" - спросил бы он.

"Зачем?" - спросила бы и она.

Он бы выждал паузу и она бы сама продолжила:

"Не надо, Коля, ни к чему это. Я спать хочу. Мне завтра на работу утром, в ясли... Извини," - и последовали бы короткие гудки...

Выйдя из оцепенения, он подошел к столу, на котором лежала трубка, протянул руку, и трубка завибрировала - зазвенел колокольчик - его любимый звук, который он "заправлял" во все свои трубки.

-Коля? Здравствуй! Тебе звонит твоя старая знакомая – Надя. Та, которая была женой Олега. Помнишь, конечно же...

-Да. – отвечал он, впрочем, постепенно припоминая. – Да-да, конечно, припоминая... - он отчего-то обрадовался; может от того, что голос у нее был такой приятный, и говорила она с

радостью – с той непосредственностью, которая бывает у собак, когда они встречаются с давними своими хозяевами, если хозяева их не обижали, и кормили хорошо...

Дальше разговор получился сам собой – ему оставалось только вторить ей, соглашаться, и в конечном итоге, принять ее предложение встретиться... сегодня.

...В квартиру его она вошла так, будто не в первый раз они встречались, будто их разлучил только сегодняшней день, а вечера они всегда проводили вместе.

От нее пахло приятно – ему понравился этот запах зеленого чая; да и вся она источала какой-то молодецкий задор, оптимизм, здоровье – словом энергию и способность радоваться простому в этой жизни – как раз то, что ему так не хватало сейчас в его жизни. Вообще, когда-то он был душой компании, любителем приключений, неспособным подолгу задумываться над простыми вещами, такими как общение, выпивка, мимолетная любовь, деньги, успех. Просто и легко у него все получалось в этой жизни, даже развод получился сам собой, – естественно. Но тогда он мог просто выпить, а теперь решил остановиться, повременить, пока мозги не встанут на место и не вернется к простой способности отдавать себе отчет – своим желаниям, своим словам...

Он заметил, что она одета со вкусом; они поговорили немного – она была мастерица говорить ни о чем, при этом ославляя впечатление содержательности беседы; он не заметил, как стал откровенничать с ней, как согласился, что можно заказать хороший ужин; даже пить она отказалась, коли он не хотел этого...

-...Я, Коленька, никогда не чувствовала себя так... Детей мы вырастили, теперь он их отправил учиться в Англию. Ты же помнишь – у нас было двое – девочка и мальчик – погодки. Так вот, он их и отправил учиться так далеко, чтобы мне не достать было. Да и дети молодцы! Будто не я их родила, воспитывала, будто не я их мать. Представляешь, я думала, что уже ничему не удивлюсь. Так нет же, жизнь не заставит долго ждать – удивит, как пить дать удивит! Поначалу даже подумала, что вот – выиграл он, победил меня, так я в отместку удавлюсь. Потом, конечно, пришла в себя, попила таблеток... И знаешь что подумала? Подумала, что могу ведь заново построить свою жизнь! Единственное, чего делать сейчас не стану, так это рожать не буду! Все они – ублюдки. Были со мной, "мамочка,

наша мамочка", а он гулял. Потом, когда он с ними поговорил и разъяснил им, насколько они от него зависят; дал понять, что может им устроить прекрасное образование, они как-то легко очень от меня и отказались. Нет, конечно мы можем встречаться... Но я решила для себя так!... Я решила, что предавшие однажды, предадут и потом. А зачем мне надеяться на то, чего нет. Понимаешь меня, если б не так ставился вопрос... Если б мы все вместе решили бы два вопроса порознь, может, получилось бы по-людски?! А он, когда заявил мне, что уходит от меня, я, естественно, стала требовать свою долю от совместно приобретенного имущества. А он мне в ответ – обучение детей в Англии. И получалось, что я имею квартиру и некоторые небольшие средства, а взамен теряю детей. Ну я на это пошла – не оставаться же мне на улице с моей любовью к детям. А они легко так...

Вообще-то она не плакала, когда рассказывала ему все это о своей жизни. Делала это привычно, потому что откровенничала уже не в первый раз, и главное, сама верила в свой рассказ, сама смотрела на себя со стороны и даже проникалась жалостью. Рассказывала она, и Rogozin, наблюдая за ней, дивился способности этого человека выглядеть то ли жертвой, то ли смиренной монахиней – настолько покорной страдальницей она смотрелась, настолько естественным было ее поведение – и все то, что она совершила в своей жизни, должно было быть именно таким, поскольку человек с таким ангельским видом не мог быть ни лицемерным, ни подлым, а был жертвой, которой ничего не остается, как принимать удары судьбы вот с таким вот наклоном головы, которое можно наблюдать у прихожан в церкви, когда они позируют перед всевидящим оком, самозабвенно крестятся, рассчитывая на индульгенцию за прошлый атеизм, а то и вовсе увлекаясь модой на веру, рассчитывая на участие в их жизни еще одного персонажа – бога. Она была симпатичной, он ей верил, и только думал иногда, сможет ли еще раз, теперь уже с ней, как мужчина, быть на высоте?

-Вот теперь ищу я работу, теперь в свои годы и должна начинать все сначала. Вроде и связи есть не плохие, могла бы собственный бизнес поднять, а вот интереса нет. Есть только желание снова быть нужной кому-нибудь... Я отвыкла жить для себя, понимаешь меня, Коля?

Он кивал, потому что понимал ее. Он предложил ей принять душ, и сам удивился такому ходу своих мыслей; еще он сам

сервировал стол, пока она была в ванной, ненавидел себя и кусал губы, что не сможет с ней выпить... А она, пышущая здоровьем, раскрасневшаяся, в одном только его халате, сидела в постели перед столиком, пила рюмку за рюмкой, ела палочками суши, потом целовалась с ним, а потом такое сотворила с этим мужчиной, что он, угасая от бессилия, после пережитых чувств, думал только, как ему не повезло в этой жизни, что он свел свою судьбу с той женщиной, которую когда-то называл женой, и прошел мимо такой как Надя... Плевать, что она врать умеет так же искусно, как быть женщиной в постели; и может потом когда-нибудь она его оставит, чтобы всем рассказывать, что он ее бросил, но теперь у него, у них есть время, чтобы дойти до неминуемого конца, дойти и по дороге испытать все то, что может дать эта жизнь... Разве может быть другой смысл у жизни? И работать она будет у него – теперь представить разлуку хоть на полдня он не хотел. Она ничего такого не сделала, а он уже ревновал ее, он уже хотел быть единственным ее обладателем, - ее хозяином!

-Олег твой дурак! – шептал он, чувствуя ее голову на своей груди, даже ближе к подмышке. – Таких расстреливают после суда *тройки*...

-Спи, родной, спи... - шептала она таким голосом, который казался ему похожим на голос его матери. – Я сделаю все, чтобы тебе было спокойно, хорошо...

Зазвенел колокольчик и мужчина встрепенулся. Женщина даже не сразу поняла, что то была трубка; она подумала о микроволновой печи, которую он забыл выключить, потом ей привиделось, что в квартиру кто-то входит. А Rogozin крикнул недовольно, и начал подниматься, совершенно не обращая внимание на свою наготу. Она смотрела ему вслед и восторгалась этой крепкой мужской фигурой – думала, что и Олег ее когда-то был таким, пока не пристрастился к пиву...

-Вов, что случилось? – спросил он сразу, взглянув на дисплей трубки.

-Тебе может сейчас позвонить Кирьянов. Он бухой и еле лепечет, однако рассказал мне все толково... Не прошло и года, как мы с тобой по поводу Бимкина... вели беседу, и вот оно - им... заинтересовались... Короче, приехал из Питера какой-то из бывших оперов, и представляешь, прямо в управление ФСБ нашего Кирьянова пригласили. Он струхнул, ни мне, ни тебе не позвонил, поперся. Ну а там ему рассказали, что интересуются

Бимкиным. Он – что, да как, а ему, типа, серьезно очень – подозревается в совершении особо опасного преступления. Ну а дальше интереснее – если Кирьянов не вспомнит, каким образом мог оказать содействие Бимкину, его обвинят в соучастии – пособничестве, и вообще, фирмой могут заняться и ее постигнет участь «Юзаса». Понятное дело, что последнее – чисто на психику давят, а вот что касается Бимкина и какого-то преступления, которое он совершил в Питере... - вот это какой-то нонсенс. Врубился?..

Рогозин окончательно проснулся. Прислушиваясь к словам Евтеева, понимал только, что надо непременно убрать из фирмы Бимкина... На большее пока ума не хватало, впрочем, быстро подсказал Евтеев:

-...Надо попрессовать этого бухарика Кирьянова. Не просто к нему спецуха подъехала... Давай-ка сделаем так : с утрачка заедем к Кирьянову, и поговорим. Надо брать его из дома; на фирме говорить не стоит...

-Хорошо, я все понял. Завтра забирай его, а я подъеду...- он назвал место – на том и сошлись.

...В постели Рогозин обнаружил женщину, вспомнил, что она назвалась Надеждой. Он направился к шкафу, шумно отодвинул дверца, порылся в карманах одежды, пока не обнаружил бумажник; вытащил оттуда крупную купюру, потом растолкал ее, уже уснувшую, и попросил уйти; тут и протянул ей, удивленной, деньги...

* * *

Кирьянов в прошлом был милиционером – работал в управлении, возглавлял целое направление, хорошо вырос в девяностые, сделал себе капиталец, построил дачу, поменял авто на роскошную игрушку с колесами, обустроил житие своей непутевой дочери, и радовался, когда она вышла замуж, родила и *попритихла*, занявшись воспитанием ребенка. Он позаботился о будущем своего зятя, устроив его в милицию, следил за ростом парня; и продолжал баловать свою жену – Ирину Ивановну, принося ей хорошие деньги, отправляя ее каждый год – каждое лето - в заморские страны, устраивая ее на лечение в

ведомственную больницу. Одним словом, если совсем уж коротко, все в жизни этого человека ладилось, все бы было в ней – в этой жизни удачно, как у всех его знакомых, если бы он не имел пагубное пристрастие к водочке. Как кто-то сказал, он очень любил пить воду и ласково называл ее водочкой. Действительно, этот человек испытывал страстные чувства ко вкусу водки, - именно водки, и пил с особым вкусом, с хорошей закуской; пил помногу, иной раз и часто, так что такое занятие вполне можно было бы назвать запоем. Из запоя он выходил с каждым разом все с большей болью в сердце и печени, каялся, принимал вместе со спасительными стопочками какие-то лекарства, и тайно переживал, а сможет ли потом когда-нибудь снова вкусить этот напиток? Так вот, если не учитывать это обстоятельство, о котором знали, которое всегда наблюдали его близкие, и что для остальных выглядело как приемлемая слабость, все у этого человека ладилось. На работе он поставил свою службу на высокий уровень и действительно не единожды в клювике приносил Рогозину ценную информацию, чем вызывал у последнего чувство благодарности и уважение к профессионализму такого работника. И вот на тебе – в самый неподходящий момент, в самый пик запоя его, не опохмелившегося, буквально растрепанного выдергивают из дачи по секретному номеру – звонил зам – и требуют явиться на Лубянку. Там практически допрашивают, он лепит все, что знает, и сам никак не может смекнуть, в чем дело и почему именно к нему пришли по поводу Бимкина? В растерянности он звонит Евтееву и узнает, что тот уже в курсе; соображает, что это может стать концом его карьеры в фирме, вренее, что придется жить на пенсию. Ожнako де верит, по обычаю своему, что и в этот раз выкрутится, что не все пока потеряно...

Поэтому этим утром он проснулся рано, долго стоял под душем – хорошенько распарил тело; потом пил чай с таблетками, запивал необходимым для нормальной работы мозга (в его случае) количеством водки, и ко встрече с начальством смотрелся немного уставшим, немного потрепанным, но со стеклянными глазами, во взгляде которых можно было бы, при желании, усмотреть оупение, хотя в разговоре человек повел себя вполне адекватно...

-Ну что, Анатолий Степанович, рассказывай, о чем тебя спрашивали на Лубянке? – с ухмылкой обратился к нему Евтеев.

Кириянов сел на заднее сиденье машины, протянул руку для пожатия по субординации – вначале Рогозину справа, потом Евтееву, на чьей машине они и подкатили к нему. Оба сидели в полуоборота и смотрели на него, а он чувствовал себя провинившимся мальчиком, нервничал, и скрывал глаза, впрочем, больше беспокоясь о своем внешнем виде, по которому точно можно было догадаться о его способе времяпровождения в последние дни. Впрочем, подумал он, скрывать ему нечего...

-Короче, там один из Питера приехал, от большого человека. Наш Бимкин идет по статье «умышленное убийство», а точнее как заказчик. То есть из разговора с ними я понял, что они не сомневаются в его причастности, вот только не знают, как такой лох мог заказать кого-то там в Питере? Киллер высокой квалификации.

--Так а почему тебя дернули? По сути, как я представляю, они должны были изучить его связи? – вслух рассуждал Евтеев.

-Вот и я их так спросил? Они, вернее тот, что с Питера, ответил, что они и обращаются ко мне, потому что изучили все связи Бимкина. Самым серьезным подозреваемым, ну, в смысле, только такая контора как мы можем иметь контакт с профи такого вида. Понимаете, что я ничего не мог сказать большего, кроме как дурака строить из себя. И повезло, что маленько под хмельком был... Как в воду глядел...

-В водку поглядеть ты мастак, Анатолий Степаныч, это мы знаем... - начал прессовать Кириянова Евтеев – похоже, он смекнул уже, в чем дело... - Ты, сука такая, жрешь водку с кем попало, а когда *автопилотишь*, начинаешь хвастаться своими возможностями! Ты строишь из себя фигуру крестного отца мафии... Вспоминаешь, откуда я это знаю? Ты – хороший работник, и потому мы закрываем глаза на твои пьянки; пока ты еще соображаешь. Но вот тебе первая ласточка! Ты пил с Бимкиным?! – чуть-чуть повысил голос Евтеев, а Кириянову уже казалось, что на него кричат; он даже вздрогнул...

-Да было как-то...

-И не помнишь, что болтал, вернее, поставлю вопрос иначе: если ты хвастался, то мог проболтать лишнего о своих связях и возможностях – ты понимаешь, о чем я говорю?

Кириянов ушел в себя, силился припомнить... И пусто – ничегошеньки не прояснялось в голове...

-Ты понимаешь, Анатолий Степаныч, что... приехал питерский спец по душам тех, кто наступил на него крепко. И

здесь не закон будет выносить решения, а воля питерского заказчика этого расследования будет решать судьбу виновного... Ты среди причастных можешь пойти первым... Сам посуди... Ты хотя бы знаешь, тебе сказали, кого там шлепнули?

-Нет. Но я понял, что очень и очень серьезного человека..

И вдруг Кирьянова осенило! Он вытаращил глаза на своих начальников, покраснел так, что его собеседники аж переглянулись. Напряглись, готовые к эксцессам, хотя и понимали, что в данном контексте событий явными врагами для Кирьянова они не могли быть; оставалось только опасаться реактивного психоза – проявления «белочки»...

-Мать твою! – практически заорал Кирьянов, впрочем, расцветая... - Мать твою! Мне нужно срочно в офис! Срочно. Я знаю, как он нашел исполнителя... Когда киряли, я выходил часто, а он мог влезть в мой комп. Он ведь включенным был, значит пароли все открыты. Ведь сам, гад, пришел с бутылкой... Так, всё, уважаемые начальники! Я нагадил, я и приберу все. Больше не думайте об этом. Мы еще с честью выйдем из ситуации! Считайте, у нас все улики в руках... кроме мотива, объективная сторона - как картина Рембрандта!... Отвезите меня в офис... Сегодня вечером все решится тип-топ. Москвичу я сам позвоню... Они сегодня и возьмут его. К вам просьба - подождать пару часов.

Коллеги снова переглянулись, Евтеев завел ну очень уж мощный двигатель своего дорогого авто, они рванули с места и воткнулись в пробку...

-Нет, я быстрее на метро! – засуетился Кирьянов, – прижмитесь к тротуару...

Потом они смотрели ему вслед, молчали оба довольно долго, каждый соображая свое.

-Помнишь, как в прошлом году он лихо решил вопрос с наездом от ведомства. Мы бабки собирали, и вдруг этот Лустов скончался от сердечной недостаточности? - спросил Евтеев.

-Да, помню...

-Хорошо, что он любит водку.

-Я о том же подумал... И все-таки, потом с ним поговори по душам... Он нас порешить может, если в «белочке»...

-Не сможет... - спокойно ответил Евтеев – я уже об этом давно подумал.

Рогозин посмотрел на партнера и значение его взгляда Евтеев оценил верно, потому что вслух сказал:

-Ты ж *подшился*. Зачем мне лишаться толкового партнера? Такое дело в одиночку не потянуть, и то, что умеешь ты делать, мне *влом*. Каждый на своем месте заработать может больше, чем любой из нас, отними он жизнь другого... Или я не прав?

-Да мне иной раз кажется, что и жил-то я, будто выживал, будто в марафон какой втянулся. Все хотелось что-то кому-то доказать. Ну а порешишь ты меня – мне терять нечего. Семьи у меня нет, никого я любить не умею, да и сам себе надоел изрядно... Так что, Вов, если есть бог и ты в него веришь, то побоишься его и не станешь меня убирать, а если не веришь в бога, или его нет, так ведь что тебя остановит, если решишь однажды, что вся прибыль больше, чем половина...

-А ты философ, – зло сказал Евтеев.

-Неправда. Это мне только что пришло в голову. Я стараюсь не думать, когда не работаю. Раньше было легче – не думал, потому что водка помогала. А сейчас, иной раз, вот такая вот ерунда в голову и лезет, если попадаю в такую вот пробку... Интересно будет узнать, кого такой как Бимкин мог заказать? – поменял тему Рогозин.

-Такой закажет и мать родную, если подвернется оказия. Такие всегда чувствуют себя обиженными... У нас в армии такой же был... Закадрил бабу из деревни, она, дура, к нему на пост и бегала, в его дежурство. А потом он ее подстрелил, чтобы десять суток отпуска получить, ну, за проявленную бдительность. Мы боесклад охраняли. Особист наш разобрался быстро – с первого разговора этот гнус выдал себя. Помню, меня поразило тогда, как он божился, клялся, что стрелял в нарушителя, что не из-за отпуска на такое пошел. Удивительно, что так до конца у нас и оставались сомнения. И следак был умным – поговорил с нами, помню, сказал, что когда повзрослеем и побольше с людьми пообщаемся, пойдем поступок такого человека...

А Кирьянов, когда увидел у ворот, за которыми располагались дворик и здание офиса, человека в куртке и кепке, натянутой на самые глаза, человека по имени Глеб, не удивился такому стечению обстоятельств; только подумал, что его пасли, что его встречу с начальством фиксировали...

-Добрый день, Глеб Николаевич! – поспешил поздороваться Кирьянов. – Не скажите ведь, что совпадение...

-Не скажу, добрый день... Нам бы поговорить, прежде чем вы начнете действовать. Вам, бывшему работнику, не стоит объяснять, каким образом я в курсе ваших намерений. Вот

только вы сейчас торопитесь очень, и можете упустить некоторые детали. Поэтому, поскольку вы поняли, как мог интересующий нас человек действовать, нам надо только удостовериться в том, что мы не ошибаемся. Вы не станете его подвергать допросу? Это бесполезно – он запрется. Вы знаете, как он сделал заказ?

Пауза, после которой Кирьянов намеревался ответить, показалось Глебу Николаевичу слишком длинной, потому он пояснил:

-Нас не интересует ничего больше, кроме причастности этого человека, то есть нам нужно доказать, что именно этот человек заказал объект в Питере. Все Остальное – ваша кухня! Вы понимаете, о чем я говорю, что я имею ввиду?

Кирьянов закивал, и, кажется, окончательно успокоился.

-Я сейчас изыму его компьютер. Наш сисадмин – мой человек. В каждом компьютере есть невидимая программа, по которой мы можем восстановить все действия, которые осуществлял хозяин – восстановить поминутно, в интервале чуть ли не полугодичном.

-Так, и дальше?..

-Если он воспользовался определенным адресом, я вам передам все данные и сам компьютер... Вот только как его брать-то будете?

-Вот! – заулыбался Глеб Николаевич и показался Кирьянову простачком. Не знай он, кто этот человек, никогда бы не подумал, что он оперативник. Впрочем, нет – у этих *гебешников* глаза другие... - подумал Кирьянов и постарался поскорее отвести в сторону свои собственные... глаза.

-Вот! Понимаете, здесь и нужна будет оперативность в действиях. Поэтому, давайте сделаем так... - дальше, буквально в несколько минут, Глеб Николаевич обрисовал ему весь план действий, в том числе и возможные отступления; Кирьянов с трудом поспевал за его мыслью, но в целом уловил идею. Однако, Глеб Николаевич деликатно попросил его повторить – заново произнести вслух план намеченных действий. Обижаться было *некогда*... и Кирьянов, соображая все еще с трудом, повторил, причем, без запинки, и ответил на вопросы оперативника верно.

Они разошлись и по дороге Кирьянов постепенно воспрял – он входил в свою вотчину, где все его знали и каждый почтительно за честь пожать его руку – каждый из управления – ну, типа,

старшего офицерского состава. Все-таки он был прав, что выкрутится. И еще он подумал, что надо будет зама обучить побольше и получше, чтобы можно было подольше пожить на даче... Там ведь всегда столько дел можно переделать, там друзья – бывшие коллеги, наконец, там... заслуженный отдых...

* * *

Неделю тому назад Петров приехал в Москву. Уже на вокзале его приняли два амбала, причем узнали легко среди всей толпы. Они подошли вплотную, по привычке, как делали не раз, встали полукругом и с серьезными лицами осведомились, точнее один из них, который пошире в плечах и пониже ростом, с усами, о существовании которых хозяин, вероятно, вспоминал не чаще одного раза в месяц, спросил низким голосом, является ли он Петровым Андреем Викторовичем? Получив утвердительный ответ, они разъяснили ему, что уполномочены встретить его и отвезти в офис. Конечно, разговаривал с ним один из них – тот самый с усами, однако же у Петрова сложилось стойкое впечатление, что они одинаково обращаются к нему, будто говорят в один голос. Потом он понял причину такого эффекта – выражение их лиц было настолько одинаковым, стояли они так одинаково, одеты были так схоже, наконец, склонены были перед ним таким образом, хотя он не был маленького роста, что в ощущениях своих он не мог избавиться от постоянного желания отстраниться от них, будто на него наседали, будто сейчас произойдет захват его как преступника. Одним словом, как только пошли дальше по перрону, ему стало немного легче, поскольку пространство перед ним освободилось, хотя и двигались они по классической схеме – усатый чуть спереди и рядом – справа, а слева, чуть поодаль и позади тот другой, который не проронил ни слова. В машине ехали молча и он сидел на заднем сиденье – рядом с молчуном; смотрел вокруг, в сотый раз радовался, что в свое время отказался переезжать жить в Москву, а потом ушел в свои мысли, отвлекся, отлично понимая, что пока ему ничего не угрожает...

Офис ЧОПа ничем удивить его не мог – все стандартно, все по схеме. Провели его в кабинет руководителя и там, навстречу ему, встав со своего кресла за широким столом, направился для

приветствия мужчины его же возраста; мужчина, глядя на которого прежде всего хочется улыбнуться, настолько радушным кажется его лицо, особенно после собачьих морд из его псарни.

-Рады приветствовать в нашем офисе таких гостей! Сергей Иванович, да, очень приятно... Присаживайтесь, пожалуйста... - после пожатия руки Петрова, хозяин кабинета указал на кресло в углу комнаты – похоже, туда он приглашал для длительной беседы, либо чтобы показать свое особое расположение к гостю...

-Я понимаю, что вы с дороги. Номер в гостинице забронирован, как и договаривались с коллегами из Питера, содействие будет оказано максимальное... Вот все номера, которые вам могут пригодиться на случай, если нужно будет связаться со мной, или с нашими службами. Просто назовите себя и диктуйте свои требования – все о вас уже знают, но если вам покажется, что кто-то проявляет нерадивость и тупоумие, звоните мне непременно!

Говорил он это все, находясь в странной позе – будто намереваясь присесть в другое кресло, но из-за речи своей, не делая это, отчего так и хотелось попросить его вначале как-то определиться в своем положении, а уже потом рассказывать обо всех правилах игры; наконец, расположиться поудобнее и задать тот самый вопрос, из-за которого его и привезли вначале в офис, а не в гостиницу.

Сергей Иванович будто прочел мысли Петрова, спросил, не откажется ли он от кофе? Петров отказался, не имея привычки пить что-либо с неизвестным людьми, особенно из области нынешней свободной сысской деятельности... Вот тут Сергей Иванович присел напротив - в кресло, и улыбаясь так, как умел, как научился за всю свою долгую жизнь в роли оперработника, начальника, а нынче исполнителя негласных пожеланий героев дня, эдак запросто пояснил:

-Насколько я могу судить из разговора с коллегами из Питера, дело, по которому вы командированы в Москву, имеет не только конфиденциальный характер, но еще и первостепенную важность, то есть затронуты интересы влиятельных персон. Нам приходилось оказывать содействие в подобных делах, но... считаете ли вы необходимым условием для нашего плодотворного сотрудничества наличие прозрачности по основным темам, чтобы мы имели четкое представление о самом предмете дела. Ваши компаньоны ничего толком не разъяснили,

но мне не трудно судить о масштабности и о значимости дела по тому, кто мне звонил, с какого ведомства... Вы понимаете, что я, все-таки, должен знать чуть больше, прежде чем буду использовать все имеющиеся в моем арсенале силы и средства...

«Умный» браслет, который был прикреплен к предплечью Петрова, с небольшим интервалом времени вибрировал, что означало, что скорее всего разговор ведется под запись. Впрочем, и без того привыкший в замкнутых пространствах думать о спецтехнике, Петров удивлялся нерадивости этих специалистов «негласного дела». Или меры, предпринимаемые в подобных случаях имели просто дежурный характер, или этому Сергею Ивановичу непременно надо было отчитаться, так что мысль о том, что могут быть предприняты контрмеры не имела значения.

-Сергей Иванович, вы должны знать, что всегда в межведомственных отношениях было недопонимание, особенно когда кто-то начинал привносить в дела свой личный интерес, к примеру... Естественно, я не о нас с вами – у нас у всех есть свой хозяин; я имею ввиду всего лишь обстоятельства, которые складываются иной раз не по нашей воле... Поэтому вынужден пояснить, что дело, которым я занимаюсь, действительно имеет, как бы раньше я сказал, гриф «особой важности» и вам об этом, должно быть, намекнули. Я уполномочен решить задачу и уехать; и только на определенной стадии, когда, возможно, возникнет необходимость для проведения острого мероприятия, к вам обратятся из Питера, я думаю, даже приедут такие же уполномоченные, и как раз с ними вы и станете обсуждать все, что касается прозрачности... Сергей Иванович, я сам справлюсь – у меня достаточно возможностей и связей, чтобы выполнить этот заказ. Вы правильно поступили, что дали мне свою визитку – за это с вами и сочтутся те, кто прислал меня. А все остальное – не наше с вами дело, согласитесь?

-Что вы имеете ввиду под «всем остальным»? – ухмылка нарисовалась на лице этого человека...

Однако Петров парировал легко.

-Все остальное – это преждевременность в выражении интересов, – сказал он. – Это когда задают вопросы, на которые нет ответа в нашем с вами разговоре... Вы же меня отлично понимаете. Я вас отлично понимаю, что сами, как опытный оперработник, человек с хорошим рабочим стажем, вы бы не стали проявлять преждевременный интерес, но под давлением

людей очень далеких от специфики негласных дел, как человек подотчетный, вы вынуждены вести со мной эту беседу, меньше всего надеясь получить конкретный ответ. Все ведь просто, Сергей Иванович, – состроил откровенную улыбку Петров. – Посылайте вы почаще на три буквы любопытных толстосумов, и они к вам потянутся – только как к профессионалу, но не как к служаке. Я это по своему опыту говорю... У меня привычка такая, коллега, вести свою игру, иначе сыграть могут с тобой – продажность для них – основное их качество! Когда-то был у нас партнабор, нынче... их отпрыски...

Петров остановился вовремя – его понесло, как это случалось... теперь уже редко...

Однако же уловил в глазах Сергея Ивановича эдакую добрую усмешку. Может быть он уж давно переболел этим негодованием, стал терпимее, стал мудрецом, а может привык только по пьяни говорить то, что думает; наконец, он знал ведь, что пишется весь разговор, и предвидел, что отношение к Петрову после *прослушки* будет проще – его тупо начнут пасти, если не смогли завербовать с ходу. Ведь дальше Сергей Иванович в своей речи должен был намекать об интересе Петрова, согласись он сделать "прозрачными" их отношения...

А Петров думал, что Дед (Ходов) старый, а ответственный за его безопасность наверняка готовится к смерти Деда, либо дурак... Проще было бы подключать всякие там ЧОПы по необходимости, если таковая возникла... А теперь получалось как в том мультике про итальянского воришку, которого весь город проводил в банк, а работники банка к хранилищу, чтобы дать возможность молодому человеку проявить себя...

Пауза затянулась. Сергей Иванович встал, поднялся на ноги и Петров. Они молча пожали друг другу руки, потом Петрова отвезли в гостиницу и когда он остался один в номере, он позвонил жене, потом, по второй трубке, которую ему передали перед самым отъездом, позвонил начальнику охраны Ходова – Николаю Александровичу; сказал, что все нормально, что обустроился, и добавил, что если завтра за собой не обнаружит слежки, то не позвонит, а если обнаружит, то попросит посодействовать, чтобы не мешали работе, чтобы не пришлось на следующий же день возвращаться домой.

Как ни странно, Николай Александрович уловил суть затеи Петрова быстро, посопел в трубку, а потом процедил сквозь зубы:

-Твою мать!!! Твою мать!!! Блин, лоханулся я! Это дедова связь – его инициатива задействовать кореша его. Надо было ложный след дать, ну, к ним вместо тебя послать кого-то... Да, думал я об этом, – теперь уже врал Николай Александрович, – а дед, мол, там свой человек, сказал ему только, что, мол, дело важное...

-Слушай, а зачем он из этого такой секрет делает? Это и заводит всех... пошакалить...

-Чего делает? Да просто так – погано ему, понимаешь? Злорадства не хочет. Он тут следака так припёр, дескать, болтать будешь, порешу... Журналюг мы позатыкали, кто без мозгов был... Вон, приедешь, покажу сводки – хрен их тела найдут... Боюсь, вообще помрет дед-то – не дождетя тебя.

-Думаю, не меня он дождетя, а отчет мой, и посылочку... Скажи ему, пусть тару готовит. На всякий случай...

-Порадую, с твоих слов...

-Не надо пока. Кто из нас за базар ответит, если что не так? Это жизнь, мать ее!..

-Верно... Верно говоришь... Короче, жди завтра с утра гостей – я к тебе двух бойцов приставлю. Они целого взвода стоят. На всякий случай. Мешать не будут – как скажешь, так и сделают. Похоже, сразу надо было на себя рассчитывать... Вот лоханулся-то, а!

Чтобы наверняка провериться. Петров вышел в город. Походил немного и обнаружил за собой слежку, причем, не профессиональную, а самую что ни на есть дилетантскую... Подумал, что снова наврал, оценивая человека – этот Сергей Иванович хорош как исполнитель; значит инициативы проявлять не станет, а за несколько дней его не просчитают «кореша» Деда: похоже, действительно их время ушло...

* * *

Дальнейшие события происходили достаточно просто – по простой схеме, как по накатанной дороге. Действительно, поутру следующего дня ему позвонили на «левую» трубку и грубый мужской голос отчитался о прибытии и о готовности служить верно; он тут же удостоверился через начальника службы

безопасности Деда о приметах его охранников, хотя, иной раз думалось, что будь указание взять его, или «закрыть», никакой взвод не спас бы. Парни могли уберечь только от мелких хулиганов, Николай Александрович мог бы отчитаться перед своим хозяином, что предпринял все действия для обеспечения безопасности, ну и, наконец, мог еще и отследить все связи, которые задействовал Петров в ходе этого расследования. Лишней информации в оперативной работе не бывает, пока ведется эта самая работа...

После предварительного звонка по третьей трубке, которую он приобрел вместе с сим-картой, заплатив на тысячу больше, чтобы только оформили карточку на подставное лицо, Петров попросил своих охранников избавить его от «хвоста», который снова нарисовался, как только он вышел из гостиницы. Парни сработали профессионально – своей *тачкой* отсекали машину, а когда из нее вышли трое, чтобы поговорить с нахалами, на глазах у прохожих за несколько секунд всех положили на асфальт *отдохнуть*, затем сели в свою машину и укатили. Петров поблагодарил их и предложил самим отдохнуть до вечера.

Сам же позвонил и договорился встретился с бывшим коллегой, который был лет на пятнадцать старше его, большую часть года проживал за городом, вел скромный образ жизни, особенно не памятуя о прошлом, но и не забывая друзей. Звали этого человека Игорем Николаевичем Ивановым, и был этот человек до прихода к власти Горбачева генералом, и занимал он весьма ответственную должность в системе. К началу развала страны новая поросль идейных активистов поперла его в отставку, оппозиция предложила обождать маленько, пока пена не сойдет, а он решил отказаться от своих планов, занялся лечением собственного сердца, которое вдруг начало давать серьезные сбои, засел за письменный стол и стал писать, вспоминая самые интересные события своей жизни. В период самой одиозной фигуры в управлении страны не единожды его приглашали для консультаций, пока не убедились, что более нетерпимого к нынешней власти человека им не найти; отстали, правда, тиснув в желтую прессу пару-тройку «многозначительных» статей. Но тогда уже рынок макулатуры был завален информационным хламом доверху, так что практически никто не заметил глупости, а сам Иванов понервничал немного, *похватался* за сердце, и *попритих*, решив писать свои записки дальше. Он поначалу верил, что так долго

быть в дерьме Россия не сможет, что когда-нибудь многое расскажут, а когда до него стали доходить слухи о некоторых подвижках в высших кабинетах власти, он воспрял духом и издал, естественно под псевдонимом, книгу. Потом был удивлен, что хоть и смели все экземпляры с прилавков, а было издано пару тысяч штук, никакого фурора не произошло. Раньше выставление на суд читателя такой литературы приравнивалось бы по силе резонанса ко взрыву ядерной бомбы, а сейчас... пшику... петарды. Это открытие совсем уж прибило Иванова к даче, он успокоился, отрешился от нового мира и если оживал, то только когда к нему обращались коллеги. Вот и Петрова ждал он с интересом, хотел поговорить, послушать, может и поматериться немного, переживая, что остались не пойманными и ненаказанными всем известные враги России.

-Добрый день, Игорь Николаевич! – поздоровался Петров, открывая калитку и ступая навстречу иссохшему к старости человеку.

Иванов заулыбался, еще издали заприметив «ходока» - из окна домика, в котором обустроился и жил в одиночестве. Он готовился пообедать и ожидал, что как раз Петров подъедет вовремя; благо нынче связь есть у каждого и можно направлять действия человека, просто часто созваниваясь и давая указания как идти, чтобы легко оказаться у калитки его дачи.

Петров заметил, что глаза старика сохранили ту же цепкость взгляда; должно быть, и рассудок его не изменился, и память служит верно – подумал он.

Они обнялись, потом проговаривая всякие разности по поводу дороги и погоды, прошли в домик – классический по своей архитектуре, простой во внутреннем убранстве, когда видно, что ни к какой вещи женская рука не притрагивалась...

На столе у окна стояли тарелки, кастрюля, в которой наверняка была сварена картошка, огурцы, и тут же стояла неизменная бутылка водки – непочатая... Что-то шевельнулось в груди у Петрова, зашипало в глазах и он некоторое время избегал смотреть в сторону генерала, пока не справился с собой... И больше не вспоминал день похорон жены этого старика, не думал, что единственная дочь его просто выставила отца прочь после своего третьего брака, а коллеги помогли обустроить дачу так, чтобы в ней можно было жить круглый год, помогли получить маленькую однокомнатную квартиру на окраине города... Этот офицер много сделал для этой страны и

был пока живым воплощением тех качеств человека, которыми восторгаются; не станет он достоянием народа, на примере его жизни ни один молодой человек не станет обдумывать свое собственное «житие», и только на могиле какое-то время будут собираться старые друзья, пока и тех не приберет к себе смерть... Вероятно, в этом мире молва и фантазии преходящих поколений поганят все и вся до окончательного позорного вида, зато приемлемого для их понимания – на потребу дня... А может Петров сейчас ошибался?..

Разговор у них получился интересным – до самого до вечера. Поначалу старик как будто присматривался, не "мутировал" ли старый знакомый, а когда убедился по своим каким-то меркам, что Петров по сути тот же... забияка, он стал шире улыбаться, откровеннее говорить, конечно же больше вспоминать что-то из далекого прошлого, высказываться откровеннее о нынешнем... Потом они сидели на скамейке в саду, курили, а потом Иванов отвел его к озеру, предложил обойти его по кругу, сожалел, что так и не пристрастился к рыбалке. И Петров поймал себя на том, что впервые за много лет отдыхает душой, что такое, к сожалению, возможно изредка, потому что приезжай он к старику почаще, может постепенно пропало бы это чувство новизны, – скорее неожиданности в собственных переживаниях...

Наконец, оба поняли, что пора приступать к делу; первым спросил Иванов:

-Что у тебя ко мне?

-Убили девочку – внучку Ходова, если помните такого, – и он назвал должность, которую тот занимал в период процветания страны развитого социализма.

-Убийца проживает в Москве, работает в фирме... Мне нужно добыть доказательства его прямого участия – он заказал ребенка, используя возможности службы безопасности этой фирмы. Это версия. Может он использовал и другие возможности. Но чтобы пойти дальше, надо бы с этой версией разобраться... Через ЧОПы работать нельзя – Ходов требует конфиденциальности, да и чоповцы, как вы наверняка знаете, скажем мягко, – народ разный. Блатной бы сказал – запахло с ними связываться...

-А что потом с заказчиком будет? Вы же не закону его отдадите...

-Закон оправдает за недостаточностью улик. И потом, хороший адвокат, которого ему наймут, вытащит легко...

Глядя куда-то вдаль – на другой берег озера, Иванов задал еще вопрос:

-Ты взялся из-за денег?

-Не только. Я не умею подтасовывать, а за такой гонорар для Ходова быстренько состряпают заказчика... Не знаю, за какие грехи судьба наказывает Ходова? Для меня важно, чтобы невинный не пострадал, чтобы была отомщена девочка – внучка Ходова..

-За какие грехи? – зло как-то смотрел в прошлое Иванов – Наверное, за такие же, за какие и меня родная дочь послала далеко...

Иванов помолчал с минутой, продолжил:

-Позвони такому с фамилией Ипатов Андрей Васильевич, скажи что от меня... Он поможет. Наш человек...

Затем старик назвал должность Ипатова и номер телефона.

Прощались, будто навсегда – несколько холодно получилось, как на кладбище в студеную пору, когда хочется поскорее закончить с церемониалом.

А Петров все-таки обернулся, когда их разделило расстояние. И увидел, как к своему домику среди кустов, под кронами низкорослых деревьев, по осыпавшейся желтой листве плетется согбенная фигурка старика. Не то, чтобы отчаяние охватило Петрова, скорее злобное желание уйти из этой жизни внезапно, чтобы не было времени для ожидания неминуемого...

* * *

На обратном пути, в электричке, им овладела настойчивая мысль - не появляться в номере, а потом, следуя логике интуиции, он несколько подкорректировал намеченный план. Из этого получалось, что теперь нужно как следует поднапрячься, чтобы найти из всех своих знакомых москвичей того, кто бы приютил его на пару дней, и при этом чтобы он не был в тягость человеку, и чтобы человек этот не слишком вмешивался в его дела... Когда он «вспомнил», на лице его нарисовался оскал – такой бывает у некоторых товарищей, когда они обнаруживают у

себя где-то там в кармане, или между книгами, или еще где-то за пазухой, о которой, может, и позабыли, а потом будто вспомнили вдруг – случайно...

Еще в начале перестройки – в те годы беззаконья, когда самые пронырливые или опытные в делах торговых люди с удивлением, чуть ли не каждое утро обнаруживали, что новый день принес еще одну возможность исполнить народную мечту – заполучить легко и без труда хороший куш; еще в те времена, когда продолжали работать правоохранительные структуры, а с трибун звучали непонятные призывы ускориться, демократизироваться и перестроиться, а во главе государства встали... *полосатые*, Петров завел дело на группу лиц, подозреваемых в причастности к спецслужбам противника. Хоть и становился наш мир открытым, и распиливались ракеты с кораблями, хоть и самому примитивному обывателю было понятно, кто стал главенствовать в стране, очень хотелось себе самому доказать, насколько эффективно внедрились в систему управления страной спецслужбы "*безусловного противника*". Петров тогда уже знал, что уволится, и напоследок баловался, впрочем, поначалу имея вполне серьезные намерения – все еще веря в обратимость процесса распада страны.

Достаточно немного знать историю своей родины, чтобы призадуматься о собственной участи и не бороться в одиночку, тем более не имея четкого представления, за какую правду, за жизни каких людей стоит рисковать своей жизнью. Он просто – просто так, для себя, затеял это дело, уже зная, что профессионализм оставшихся работников с каждым новым уволившимся падает в прямо пропорциональном порядке, и в обратном пропорциональном – в соответствии с ростом курса доллара в стране. Так вот, имитируя разработку объекта, подозреваемого в совершении действий, подрывающих экономику страны, на самом деле он окучивал группу лиц, которые интересовали его с точки зрения их откровенной шпионской деятельности – эти лица не могли быть объектом пристального внимания спецслужб в силу существования внутренней инструкции, запрещающей разрабатывать людей определенного уровня без особой на то санкции, которую когда-то способен был дать лишь Андропов... Одним словом, Петров увлекся своим замыслом, дело пошло хорошо и вскоре он встал перед дилеммой – обнародовать имеющиеся у него материалы и заводить официально дело, поверить в существование

правосудия, или успокоиться на том, что-то доказав себе самому. Он доложил своему руководству, что имеется, якобы, сигнал о причастности известного в то время человека к совершению действий, которые вполне можно квалифицировать как подрыв существующей экономической системы. Ему ответил сам генерал, что если он не сошел с ума, лучше пусть уничтожит неподтвержденные данные и забудет как можно скорее об этом лице... И Петров поклялся, как в пионерские годы, верно служить новому демократическому государству... А про себя просто поверить не мог, во что превратилась некогда могущественная система тайного сыска. Он уехал в Москву и затеял игру – дал наводку нахрапистым политическим дельцам, законом которых был беспредел, и они лихо увели из-под носа «объекта» источник дохода невероятно высоких сумм денег – простых бумажек, которые менялись на другие бумажки... При этом себе ничего не запросив.

Вычислить его было практически невозможно, разве что через Ляльку – дочь известного человека – одного из тех, по ком работать не позволяла инструкция...

Когда-то он чуть не женился на ней – на *Ляльке*. Ее так называли в раннем детстве, а когда ей самой понравилось это имя, уже будучи девушкой и не малых лет, можно сказать взрослым человеком, она продолжала представляться *Лялькой*, при этом улыбаясь по-детски открыто, и создавая впечатление наивного дитяти. На самом деле, в отличие от многих ее сверстниц, эта бестия знала толк в людях и быстро ориентировалась, с кем водиться всерьез, а кого использовать для потехи; она первой удивила его способностью брать от жизни все, что ей хотелось, при этом не обижая сколь-нибудь чувствительные натуры. До него последний парень был вынужден уйти в отставку, когда она стала докучать ему в несвойственной ей манере истерички, требуя все больших затрат. Его родители помогли сыну разобраться что к чему и парень сам сказал ей, что между ними все кончено. Играя в игру под названием жизнь, она плакала навзрыд, умоляя его остаться с ней, и делала это естественно – без свидетелей; и кто бы когда поверил, что *Лялька* способна на такое унижение, упрашивая прыщавого *Арнольда* остаться с ней... Про *Арнольда* он только знал, а кто был до того у восемнадцатилетней девушки он не хотел спрашивать, потому что действительно не хотел знать. Не любил никогда, не умел и ревновать; только с ней обнаружил в

себе эти качества, когда то и дело замечал, как парни смотрят на нее, как иной раз готовы игнорировать его самого, чтобы познакомиться с ней. Пару раз образовывались стычки – он дрался, но во всех случаях бои были короткими из-за его боксерских навыков, и все эти разы, получая одобрение Ляльки, он не мог взять в толк, каким способом она привлекает к себе внимание, почему на него не смотрят, будто загипнотизированные ею. Отгадка получилась случайно, когда однажды он подметил, как искусно она играет взглядом, привлекая внимание мужчины то в ресторане, то на дискотеке, а то и на улице. Не делая ей замечания, не упрекая ее, он вышиб однажды клин клином – пришел с ней на вечеринку, и исчез, как потом рассчитали по количеству оставшихся – с самой красивой и с самой хорошей родословной (Тусовались они все в элитных компаниях, соответственно и родители практически всех отпрысков были деятелями тогдашних структур власти.) – с некоей Танечкой. Лялька напилась, переспала в соседней комнате с кем-то там из парней, и потом, размазывая тушь по щекам, клялась подруге, что покончит с собой, что все ее страхи сбылись – Петров нашел-таки красотку, и что Петрова она убьет... Всем тогда стало ясно, что их самая непредсказуемая и самая эффектная подруга влюбилась... Впрочем, мало кто сочувствовал ей, памятуя, как часто она могла обидеть шуткой, и только одна девушка на следующий день нашла его через Танечку, узнала, что между ними ничего не было, быстренько сообщила Ляльке, а та понеслась в рай – в объятия своего неповторимого Петрова... Состоялась душещипательная сцена признания в любви – делали это оба, одинаково признаваясь друг другу в глупости; оба и порешили отныне быть вместе – с дальним прицелом – на всю жизнь. Потом с год ходили вместе, жили вместе, спали вместе, приучая ее родителей к правде жизни. А ее отец не собирался мириться с волей дочери и какого-то там Петрова, да и дочь недалеко откатилась от той яблони, с которой ее стрясли: однажды состоялся интересный разговор, из которого он вынес самую сыромятную правду жизни – каждому свое. Не то, чтобы Лялька указала ему свое место по типу "каждый сверчок знай свой шесток"; она это сделал очень деликатно, расставив акценты таким образом, что получалось, что всецело они, щенки, зависят от состоятельности своих родителей, и поскольку состоятельность ее отца выше, значит и требования к дочери иные – значит ей придется составить пару

отпрыску из клана такого же уровня – то есть своей ровне. Но встречаться они будут, потому что как любовнику Петрову пока нет равных... И ему выгодно водиться с такой как она, потому что она в его карьере может сыграть добрую роль. Он тогда смекнул, что совершил самую большую ошибку, признавшись ей в своих чувствах, и создав у нее уверенность, что отныне принадлежит только ей. И в то же время он сообразил запросто, что связывать жизнь с этой бестией – дело поганое, на что он по природе своей не способен. Он удивил ее, потому что она ожидала страданий и просьб, а получила в ответ задумчивость и согласие, а точнее будет сказать – задумчивое согласие, которое вскоре, через пару минут, трансформировалось в такое выражение лица, которое бывает у человека, когда он облегчается... от тяжелой ноши. Значит, решила она, он ее никогда и не любил как следует... На том и разошлись, хотя встречались потом много раз чтобы покувыркаться в постели, и даже через неделю после ее свадьбы. Потом долго не виделись, потому что она жила за рубежом, а в последний раз, когда он повстречался с ней как раз по тому забавному делу разработки, он поймал себя на желании поблагодарить ее от чистого сердца, что когда-то она отговорила его жениться на себе, потому что, невольно сравнивая ее со своей женой, он был готов целовать ноги у своей за то, что она именно такая – так не похожая на всех Лялек...

Нынче она ответила на его приветствие по телефону... спокойной радостью, сказала, что ее муж отсутствует по работе, пригласила к себе в гости, уточнила адрес. Нашел он дома подле станции метро, и не сомневался, что надо идти в сторону этих новых высотных построек. Пройдя проверку у консьержки, он поднялся на последний этаж – пентхауз – и попал в огромные помещения, обставленные на сумму, наверное не на много меньше стоимости такого жилища. Она приняла его поздравления с приобретением такого шедевра сдержанно, с полуулыбкой; уточнила, что их квартира в Париже лучше, а в Лондоне хоть и поменьше, зато в стиле выполнено – чисто в английском... Отсюда становилось ясно, в каких масштабах они пребывают, какими масштабами мыслят, и как удалась жизнь того парня, за которого она тогда пошла...

В квартире маячила некоторое время прислуга, которую она скоро отпустила, и когда они остались наедине, спросила:

-Соскучился, может быть? Давно не виделись...

-Давно, – присаживаясь на большой диван, сбоку от которого окно открывало панорамный вид на Москву, он закурил.

Она устроилась близко, стала всматриваться в его лицо и делать это стала театрально, а может в своей манере – по-детски откровенно...

-Ты седеешь...

-Зато ты не меняешься...

-Спиваюсь я, Андрюша... Мы с тобой не виделись давно очень, лет десять прошло, наверное. Я тогда была другой еще. Потом меня *почикали* врачи, удалив все мое женское начало... Говорят теперь, что я хорошо прошла все этапы лечения, а я знаю, что живу еще, потому что пью... Понимаешь, у меня ведь мама сошла с ума в конце жизни - ты не знаешь этого. После смерти папы, мама сошла с ума. Так вот, она всю жизнь страдала от гипертонии, а когда сошла с ума, давление у нее нормализовалось. Я стала пить и все у меня встало на место – я умираю от алкоголизма, но не от рака... Ну, не отворачивайся от меня – я не такая уж страшная, пока еще...

Конечно же он был удивлен ее внешностью с самого порога квартиры. Она изменилась и не надо быть врачом, чтобы заметить это... Но он не мог подумать, что она пьет, и теперь, взглядевшись в нее, он стал понимать насколько человек способен в лице старого знакомого видеть прошлый образ, если так хочется...

Она и раньше не отличалась округлостью форм, но нынче это была мумия; белая гладкая кожа тела и лица и раньше была чистой, но теперь появился восковой оттенок; глаза когда-то смялись и были синими, а сейчас тревога поселилась в них, а чаще рассеянность, перемежающаяся с сосредоточенностью, будто бы она прислушивалась к собственным чувствам, а может к внутренним голосам?..

Петров понял, что видит ее в последний раз, и, странное дело, не испытал ровным счетом ничего, что имело бы отношение к личным переживаниям – он думал о том, что придется поскорее ретироваться и найти другое жилище, он даже вспомнил, и удивился, что не вспомнил раньше, что мог бы пожить эти дни у давнего знакомого – еще с института, у которого бывал в гостях не раз, у которого в трехкомнатной квартире жило все его семейство – жена, дочь одна с мужем и дитем, дочь вторая с дитем и без мужа, его мать; и который

работал системным программистом, мог в шуме перед компьютером сидеть, отвлекаться на игры внуков, писать программы, а особо сложные места делать ночью. Это он в основном все еще содержал всех, и все продолжали рассчитывать на его доходы. Жили они скромно, но в их доме свет казался ярче, будто там жило солнышко. Ему, Петрову, там всегда были рады, а когда накрывался стол, когда выпивали, и вовсе казалось, что к брату он приехал... Так насколько же лукавить может человек сам перед собой, когда вот так вот ищет и находит на свою голову приключения. Зачем ему нужна была Лялька именно теперь? Он что, на всякий случай рассчитывал воспользоваться ее возможностями? Или простое человеческое любопытство одолело?

-Ты не голоден? – спросила она.

-Да нет, особо, хотя и не отказался бы...

-Вон там в кастрюлях есть еда. Начни есть, а я посмотрю. Сама не могу... Зато посмотрю... А я начну потихоньку набираться... Потом я стану тяжелой, дойду до постели и засну. Сплю обычно до утра... Так вот пока буду набираться, поговорим... Я ведь одна теперь живу... Совсем одна, понимаешь? У меня много денег, все активы в моих руках, я учредитель... - она назвала достаточно известную фирму. – У меня контрольные пакеты акций... – она перечислила много названий фирм, и закончила предложение:

-...Но я одна, потому что муж живет на две семьи, а со мной играет плохую роль, потому что плохой актер... И мне скучно, как банальна вся моя жизнь... Расскажи лучше, как у тебя... все складывается?

-Да все то же, что и было... - спокойно ответил Петров, в принципе понимая, что может просто встать и уйти отсюда.

Однако ж он сидел и смотрел на нее, то ли деликатничая, то ли выжидая чего-то...

Дальше разговор ушел в прошлое – они стали вспоминать общих знакомых, она рассказывала, как сложилась судьба у тех, кто подавал хорошие надежды и не оправдал ожиданий, и у тех, кто никаких надежд не подавал, зато сложил свою жизнь как благополучный пасьянс. Она откровенно хвасталась, при этом не замечая этого. Она во всех сравнениях выпячивала себя и свое состояние, при этом поглядывая на него, будто ожидая увидеть какое-либо проявление злорадства. А Петров был спокоен – может потому ничего такого она не смогла дожидаться, чтобы

вспылить, что он мыслями пребывал в гостях у Лехи – того, что с большим семейством, а может еще и потому он выглядел отсутствующим, что мог управлять своим лицом абсолютно, как японец, через глаза которого понять можно только то, что он японец... А Лялька пила, и делал это большими дозами, так что, когда он встал, чтобы пройти по просторным помещениям в сторону двери, она подскочила к нему вплотную, задышала часто, обдавая его перегаром, и зло очень, и вместе с тем как-то приниженно сказала:

-Тебе никто не говорил о моем состоянии?

-Нет.

Она всматривалась в него, долго молчала, а потом продолжила:

-Я ведь противна тебе!

-Нет. Я сейчас здесь лишний. И ты это знаешь лучше меня.

-Ты намекаешь на прошлое? Так я и без тебя знаю, что сделай я выбор в твою пользу, сейчас были бы у нас дети, и я была ба здорова...

Деликатно отстраняя ее, отступив на шаг, Петров ответил на это:

-Мне бабушка часто говорила: никто, как бог...

-Да пошел ты со своим богом!

-Все верно, я со своим богом и уйду, а ты останешься – со своим. Постарайся поговорить с ним однажды без ерничества.

-Ну так помоги мне!

-Нет! – вырвалось у Петрова, и он даже отпрянул, – не в этот раз...

-Другого раза может не быть.

-Может и так.

-Тогда вали отсюда!..

Он ушел и какое-то время в ушах его звучал ее голос, слова – она крикнула ему вслед:

-Не думай! И на моей улице будет праздник!

На улице некоторое время он стоял и удивлялся, как угодил в ужас; удивлялся, что всего в нескольких минутах отсюда существует кошмар... Потом он позвонил Лехе и услышал его восклицания:

-Чертяга, ты где?! Мы про тебя сейчас говорили, даже звонить собирались... Чего-то про тебя вдруг вспомнили, сами не поняли... Ленка заволновалась, про твое сердце вспомнила... Давай, заходи к нам, коли ты в Москве.

-Заводи свою шарманку, подъезжай сюда – это в пятнадцати минутах езды, сам знаешь. Заскочим в лабаз. Я ж на своем горбу все не дотащу...

-Понял. Естественно! Жди, сейчас буду!..

Петров удивился тому, что зашипало в глазах – вот уж верно, что надо умудриться вляпаться в грязь, чтобы начать ценить чистоту и порядок, – подумал он, закурил и отныне решил, что до завтрашнего дня ни о чем кроме семейства Лехи Егорова думать не будет.

* * *

Тот человек, к которому старый генерал отправил Петрова – Ипатов Андрей Васильевич, не поленился назначить встречу на... специальной квартире; и не преминул слегка опоздать, чтобы Он – Петров – подольше помаячил перед домом, давая возможность *наружке* как следует срисовать его. Смысла в таких действиях Петров не видел, разве что для иных целей контакт с ним мог бы иметь значение, на случай если бы пришлось фальсифицировать информацию... «Кто знает, кто знает» – подумал Петров, завидев человека с дипломатом в руке, который выйдя из-за угла дома, широким шагом приближался к нему. На всякий случай Петров отвернулся, и не ошибся, поскольку человек этот не обратил на него внимания и скрылся в подъезде. Они не договаривались ни о чем заранее, и Петров позвонил. Оказалось, что он не ошибся. Тогда он обошел дом, засек, вероятно, все места, откуда за ним могли наблюдать, и так же вошел в подъезд. Все выглядело по-идиотски, как ему казалось, потому что сам бы он так не прописал сценарий, имея привычку в основу всякого мероприятия ставить естественность, и план действия разрабатывать так, чтобы было просто... Ну да ладно, решил он, пусть поиграют в конспирацию по своим правилам.

Дверь квартиры отворил мужчина – тот самый, что шел широким шагом, деланно улыбнулся; они пожали друг другу руки, прошли в комнату. Все здесь было обставлено как в дешевых гостиницах, и наверняка все здесь было «под техникой». Петрова это меньше всего беспокоило... Скорее, Ипатова это заставляло говорить так, будто вещал он на всю страну, не меньше того...

-Я слушаю вас, – сказал опер и сел за стол, предлагая Петров расположиться напротив, – можете курить...

Курить Петров не стал. Кивнул только, и поглядывая часто в сторону окна, за которым поверх шторы виднелось лишь белое небо, коротко высказался:

-Меня интересуют подходы к фирме «НН», в которой работает объект заинтересованности – Бимкин Леонид Алексеевич, 19** года рождения, уроженец г Москвы, проживающий по адресу:... . Подозревается в организации заказного убийства внучки бывшего работника ... партии, ныне учредителя «ББ». Мотивы не ясны. Версии три – личная месть, вторая – исполнитель по чьей-то инициативе, третья – использовался втемную... Рабочая версия – первая. Задействованный киллер – предположительно профессионал. Если нужны материалы уголовного дела – свяжу с человеком, с которым этот вопрос можно решить. Лично я – полномочий таких не имею. Более того, мне рекомендовано по факту дела вне компетентных кругов не распространяться. Вы – второй человек в Москве, который знает о несчастье Ходова.

-А кто первый? – удивился Ипатов.

-Я, – вполне серьезно отвечал Петров.

Оба посмотрели друг на друга некоторое время, и вдруг Ипатов улыбнулся. Все-таки почувствовал, что со старшим по возрасту коллегой лучше не играть в обремененного ответственностью и наделенного чрезвычайными полномочиями работника. Тогда улыбнулся и Петров, немного изменил тон:

-Дело не сложное – поверьте мне.

-Хорошо, в «НН» у нас есть позиции. Сами понимаете, мы вам предоставим тех людей, которых посчитаем нужными предоставить. Для начала я должен посоветоваться. Потом я позвоню вам и вы встретитесь, скорее всего, с нашим работником. И предупреждаю, никакой инициативы. Иначе мы прекратим контакт с вами и вы усложните свое пребывание в Москве.

-Да, конечно, понимаю вас, – отвечал Петров, а потом все-таки подковырнул. – И вы меня поймите правильно...

Бровь Ипатова дрогнула, и поползла вверх, впрочем, это было еле заметно...

-...За инициативу мне платит не контора, которой я отдал десятилетия жизни. За инициативу мне платит тот, против

которого в свое время я был готов работать. И, заметьте, враг платит щедро...

-Враг сейчас всем платит щедро. А вы бы так и перебежчиком стали... По примеру вашего... - он назвал известную фамилию...

-Не стал бы.

-Почему? – искренним был Ипатов в своем интересе.

-Да потому, что родину не смог бы продать – дачный участок. Столько в него вложено сил... Я ведь сам дом построил... Ей-богу!..

Ипатов рассмеялся от души... Не такой он мог бы быть, окажись не под техникой. И рассмешили его не слова Петрова, а выражение лица его – так может выглядеть очень странный человек, который всю жизнь посвятил пропаганде научного коммунизма.

...На следующий день Петров встретил человека, про которого Ипатов сказал ему. То был старый оперативник – из тех, что смогли пройти нищету перестройки и не уволиться, потом преодолеть в себе всякие там борения и не запутаться в собственных мотивах, как в трех соснах; пить с непонятого горя и не спиться, может от крепкого здоровья, может от крепких нервов, а может от крепкого чувства мести, которое проявляться могло только лишь в сопротивлении всему, что называлось совсем недавно несправедливостью, а нынче – новым образом мысли... Этот человек давно прошел себя самого – перешагнул через себя, научился иметь хороший достаток, заканчивал службу в небольшом звании, и, наконец, знал точно, что на пенсии у него есть работенка, на которой он "оттянется по полной" – станет получать достаточно, чтобы не думать как нищий, потому что грезить себя среди самых состоятельных он уже не мог... Звали его Глебом, а про фамилию и отчество он сразу сказал:

-...Мы с тобой почти одногодки, так что давай без этой пошлятины про оперативный этикет.

И одет он был как человек, для которого одежда служит по назначению, а не по статусу. И шурился, когда курил, смотрел куда-то в сторону, часто обшаривая пространство вокруг, впрочем, делая это скорее по привычке, практически незаметно...

Они прошлись немного по улицам, потом свернули в переулок, потом снова оказались на широкой улице; за все это

время не обмолвились ни словом, каждый думая о своем. Прошло не много времени с момента их знакомства, сказано было совсем мало слов, зато когда встали перед кафе, этот Глеб заулыбался...

-Зайдем? По капле водочки... Мне надо бы немного, чтобы после вчерашнего отпустило. Сейчас начнется переходный процесс, поэтому надо бы, конечно, помочь организму...

Свободные столики в кафе были, и было в помещении просторно, чисто. Оба сели в дальний угол, попросили официантку принести по сто граммов водки, Глеб заказал салат, а Петров – кофе – и только.

-Мне Андрей Васильевич сказал про твою задачу... Но ты мне объясни просто – что нужно в НН?

-Есть такой Бимкин. Вероятно, воспользовался возможностями фирмы... Одним словом, нанял каким-то образом киллера и направил в Питер. Это версия. Надо бы ее проверить...

И Глеб – этот старый опытный опер будто исчез. Он посмотрел вначале в сторону входа в кафе, потом перевел свой взгляд на Петрова – взгляд слепого человека, потому что так смотрят именно слепые – рассеянно, в пространство перед собой... Когда же снова обрел зрение, то сказал:

-Тебе, должно быть, хорошо заплатят... Поделишься?

-Только с тобой – да. И то – в рамках приличия... - слегка улыбнулся, будто бы шутил, Петров.

-А по мне – сколько дашь, все хорошо будет... Нас осталось - с гулькин нос. Новые не так базарят...

-Вот именно, что базарят...

-Молодняк... Ничего святого... Версия у тебя рабочая... Я бы даже сказал – очень... Сам дошел?

-Старику так бы не мстили... Его переиграть легче и выгоднее, чем мстить... И потом,..

Принесли водку, салат, кофе... Оба помолчали, Глеб отпустил шуточку в адрес официантки, которая заулыбалась и ушла, покачивая бедрами... Он – Глеб – проводил ее взглядом, спросил:

-У тебя такая есть?

-У меня дочь ее возраста...

-А-а-а, ну понятно – ты их за детей принимаешь... А у меня никого нет – все ушли от нищего папы. И жена ушла... давно... Вот я иногда и пользую этих... А этот Ходов – та еще птица?

Петров помолчал – внимательно присмотрелся к Глебу. Тот выпил, поморщился, улыбнулся довольный, и принялся за салат,

который съел быстро, потом махнул официантке и попросил ее принести еще сто... для него одного, потому что Петров сразу отказался...

-Ладно, Андрей. Я все понял, а остальное меня не колышет. Делаем так: ты идешь к себе и ждешь моего звонка. Встречаемся либо вечером – сегодня, либо завтра. Если твоя версия действительно такая, как нам кажется, я буду с материалами... Договорились? А сейчас мне надо исчезнуть часика на три... Потом и поработаем...

-Без вопросов... - отвечал Петров.

Последние сто граммов он выпил буквально на ногах, Петров расплатился и они вышли. На улице разошлись, будто и не общались только что – не разговаривали, сидя за одним столом...

Однако, позвонил Глеб только на следующий день – вечером.

-Ну что, коллега, должен тебе сказать, что твоя версия оказалась верной. Бери то, что мне обещал, и приезжай на станцию Тургеневская...

На этот раз оперативник был не с пустыми руками. Самый настоящий кейс держал он в левой руке, в правую, после того как поздоровался, не вынимал из кармана куртки – вот так и шел всю дорогу до кафе; и лишь простыми фразами обменялись по пути, согласились друг с другом, что зима пройдет без морозов, и что такое положение с природой их устраивает, а пророчество насчет глобального потепления перед глобальным обморожением – очередная *шиза* товарищей от науки, которые нынче идут рука об руку с шакалами от журналистики.... Впрочем, оба думали и прогнозировали, как пройдет эта их встреча, и как они разойдутся потом. В принципе, все шло по накатанной дорожке, и каждый мечтал, чтобы партнер не сыграл неожиданным образом – у каждого в схеме этого взаимодействия были слабые места...

Когда в кафе на втором этаже Глеб заказал свои сто граммов, а Петров – кофе, обоим стало полегче, ну а когда перед Петровым на стол легла папка, стало совсем интересно. Дальше Петров рассматривал распечатки с экрана монитора, таблицы с обозначением времени и паролей, некоторые из которых были намеренно – наглядно затерты, Глеб комментировал в полголоса, пропустив залпом сто граммов, закурив вонючую сигарету:

-Это все – снимки с экрана монитора компьютера твоего Бимкина. Сделаны они – вот дата. Получается – за неделю перед убийством. Дальше – распечатка всех паролей и адреса... Затертые места разглашать отказались товарищи от фирмы. То есть, если дела примет официальный характер, вернее, когда дело примет официальный характер, пароли можно будет обозначить. Бимкин, зная почтовый адрес и форму заказа – пароль на неделю, переслал адрес жертвы и описал жертву. Затем назвал цели – их было две – женщина и ребенок, и оплатил сумму по счету – часть суммы. Когда дело было завершено – вот – ему прислали фото места совершения преступления, и он перевел остальные деньги. Похоже, это мое мнение, что исполнитель намеренно сделал фотографию женщины такой, чтобы ее не узнать было, присовокупил сводку милиции, а ребенка... просто облил какой-то красной жидкостью... Как я понял, убивать дитя не стал – не смог даже профи... Получив деньги, профи этот то ли из желания припугнуть заказчика, то ли понимая, что имеет дело с дилетантом, вместо благодарности прислал вот это слово – «козел». Я не удивлюсь, если исполнителем была какая-нибудь Никита... Затем – вот здесь, на этой странице, посмотри... Бимкин затер все следы на своем компьютере... Вот здесь – в другой папочке – распечатка от провайдера... Я подчеркнул. Все данные – ай-пи адреса и время подключения, обращения... совпадают. Остается доказать суду, что по клавишам этого компьютера барабанили пальцы Бимкина...

Петров оторвал свой взгляд от страниц, посмотрел на Глеба, и слегка искривил губы – будто бы улыбнулся. В этот момент Глеб сделался наивным простачком – поднял брови и смешно выпятил нижнюю губу, дескать, так ведь должно быть...

-Компьютер у Бимкина? – спросил Петров.

-Да, компьютер у Бимкина. Мероприятие было проведено при участии непосредственного начальника Бимкина, который задержал его в своем кабинете аж на три часа; непосредственный исполнитель – наше доверенное лицо на предприятии. Ни фирма, и никто из руководства не имеют никакого отношения к системе осуществления заказного убийства, поэтому выступать в качестве свидетелей, сам понимаешь, не будут.

Вот тут Глеб закрыл папку и придвинул ее к себе.

-Брать будем?

Петров откинулся на стуле, искренне улыбнулся.

-Брать будем. И если можно, то сегодня и сейчас.

Глеб понял, что имеет ввиду коллега, отвечал быстро, потому что ждал такого предложения.

-Тогда материалы и объект вы получите сегодня, если укажете место встречи, то есть куда его привезти...

Петров достал трубку, позвонил.

-Николай Александрович, это я... Груз с документами на подходе... Куда рекомендуете его разгрузить?

Этот Николай Александрович молчал несколько секунд, затем разродился первым внятным словом:

-Молоток!.. Там у тебя парочка коммержов болтаются без дела. Пусть им и передадут.

-Я тоже так думал. А документы на груз будут у меня...

Опять последовала пауза, затем с ноткой иронии:

-Хорошо... Но напрасно ты сомневаешься в старике – он платит всегда...

Петров никак не прокомментировал эти слова, считая лирику в подобных ситуациях излишней, как и всякое отклонение в сторону от «делового» разговора...

-Возможно, придется довести немного налички... – сказал Петров.

-Сколько?

-Сообщу смс.

-Нет, позвони.

-Хорошо... Но вам придется приехать...

-Само собой... Вечером сегодня я буду...

-Мне нужно самому посмотреть груз...

-Зачем?...

-Я привык проверять товар лично... Чтобы потом спать спокойно...

-А что, есть сомнения?

-Почти в той же степени, в которой можно сомневаться, что твой самолет по пути не разобьется...

-Я понял... - засмеялся Николай Александрович. – Ты молоток. До связи...

Теперь коллеги смотрели друг другу в глаза и постепенно их лица преображала улыбка – одинаковая на двух лицах – одинаково идиотская... Потому что пока Петров разговаривал, Глеб рисовал на клочке бумаги цифру... Она обозначала сумму за услугу...

-Нет проблем – сказал Петров. – Сейчас?

-Надо отлить... А ты как?

Оба встали и направились в туалет. Там Глеб получил... половину.

-Остальное, когда груз передадут коммерсантам... - сказал Петров.

-Хорошо... Нам придется еще раз встретиться... - согласился Глеб.

-Теперь уже в удовольствие... - осклабился Петров.

...Они вернулись за столик, разговаривая о женщинах. Глеб предлагал провести завтрашний день в сауне – в компании молодых девиц. Петров кивал, соглашался, а сам точно знал, что именно сегодня, после того, как сдаст груз, предварительно проверив и пощупав его, он исчезнет с глаз любой *наружки*, потому что на то была разработана хорошо продуманная заготовка... Это если там же вместе с грузом его не упакуют...

Глеб заказал свои сто, Петров – пятьдесят... коньяка: сердце пошаливало, решил расширить сосуды...

* * *

Заместитель Рогозина, – Евтеев Владимир Петрович, - во второй раз за последние три дня вызвал Бимкина к себе. Теперь было понятно, что его просто экзаменуют, причем делают это со строгостью преподавателя, да по таким вопросам, ответ на который, как ему казалось, мог бы дать школьник. Он расстраивался. Вот и отвечал невпопад, все никак не сообразив, что делопроизводство предполагает прежде всего существование на предприятии свода инструкций, согласованных с законодательством страны, что ответственный за циркуляцию бумаг и исполнение правил человек должен знать наизусть каждый пункт этих инструкций, отслеживать исполнение каждым работником, наконец, он обязан участвовать в процессе модификации и оптимизации оборота отчетных и информативных бумаг, файлов – давать распоряжения группе разработчиков программного обеспечения, согласовывать свои действия с непосредственным своим начальником, и так далее, а не просто так ездить по городу и заключать договора на поставку бумаги и

скрепок, а то и совершать вовсе простейшие действия – загружать в машину коробки и привозить их на склад. В завершение Владимир Петрович сказал, что, похоже, Бимкин не совсем ясно представляет себе масштаб предприятия, и что ему надо бы поучиться и ознакомиться со всеми нюансами, прежде чем он станет полностью возглавлять отдел...

Тут Бимкин хотел спросить, как называется такой отдел, какой отдел он может возглавлять, если у него в подчинении никого нет, а Евтеев, предвосхищая такую любознательность, с улыбкой сказал, что всему свое время, и что когда он нарисует структуру своего отдела, его новаторство будет оценено должным образом, он получит ту зарплату, о которой шла речь в день приема на работу, ну и, наконец, в его распоряжение поступят люди... Вот тут Бимкин оказался в состоянии совершенной обескураженности, похватал ртом воздух, покраснел как девица из прошлого века *"в день смотри ее на предмет выдачи ее замуж"*, и возненавидел этого Владимира Петровича так, как мог это делать всегда, прежде чем его уволят... Впрочем, он редко мог позволить себе выходку в отношении начальства, и если делал что-то из ряда вон, то в самый последний момент... Обычно говорил слова...

Так что вышел он от Евтеева бодрой походкой, пошел в свой кабинет, потом заперся и позвонил жене Верочке... Жена услышала в его голосе нечто нехорошее, встревожилась, ну и спросила, что произошло там, куда она его устроила недавно...

-Они меня за мальчика тут приняли – мальчика на побегушках...

-Я не поняла... Ты же заместитель Рогозина...

-Ну да... Но заниматься я буду черте чем...

-Чем, Леня? Что тебя на этот раз не устраивает?

-Верочка, – захныкал муж, – ну не мое это дело – бумагами заниматься...

-А зарплата какая? Та же? Или хорошо будут платить?

-Пока не стану плясать под их дудочку, по минимуму будут платить...

Она помолчала немного.

-Ну хоть такой толк от тебя будет... А что сидеть дома-то?!

-Ты... ты... ты очень жестокая, понимаешь?! – и без того, со своим фальцетом, да с этой извечной склонностью к выпренности, теперь он, Бимкин, *звучал* как флейта на самой высокой своей ноте...

-Ладно, сегодня отсиди там, потом дома поговорим. Я позвоню, узнаю, что случилось, и что-нибудь решим... Все, я занята... - она дала отбой.

Он положил трубку в карман, огляделся... Сердце его быстро вернулось к спокойному ритму, лицо побледнело... Во все времена Верочка придумывала, а он всегда умел принимать ее придумки... Сейчас он смотрел на интерьер своего кабинета и ненавидел шкафы, телевизор, стулья, этот длинный стол; он подумал даже, что можно было бы испортить компьютер... Потом он решил обидеться *как надо* и показать всем, что так обращаться с ним нельзя. Он встал, быстро собрался – взял со стола свой ноутбук и положил в портфель – и ушел, хлопнув дверью.

В коридорах здания на него мало кто обратил внимание, а охрана на входе просто проверила пропуск. В машине он почувствовал себя лучше - в безопасности, и вырывая со стоянки на улицу, окончательно решил, что сюда больше на работу приезжать не придется, разве что за трудовой книжкой... Интуиция и прежний опыт подсказывали ему, что Верочка подыщет что-нибудь получше – такое место, где его оценят по истинным его достоинствам...

В это время рабочего дня пробки, - большие пробки, - только начинали образовываться, но Бимкин хорошо знал город и поехал объездными путями. В одном из переулков его настигла машина дорожной милиции и в динамик были объявлены его номер, затем просьба немедленно остановиться. Когда он прижался к обочине, девятка ДПС уступила место черному огромному джипу с проблесковым маячком на крыше, который наискось стал перед его капотом; затем и позади него остановился автомобиль – тоже черный, большой, но не джип... Бимкин был блокирован. Из заднего авто выскочили двое, и подойдя к нему, попросили выйти из машины. Оба показали удостоверения *грозной расцветки*, а тот, что поменьше и понаглее, просто приказал открыть багажник...

Бимкин засуетился, вышел из машины, предварительно нажав на клавишу открытия багажника. Затем все троя обнаружили у него – в багажнике его машины – полиэтиленовые мешочки с белым порошком, два (!) автомата Калашникова, самодельное взрывное устройство с торчащими во все стороны разноцветными проводками, тротильовыми шашками и, до кучи, пистолетом Макарова поверх шашек... Кроме пистолета все

остальное было муляжом, но откуда мог знать Бимкин, что с ним начинают шутить?..

-Это не мое! – сказал он просто так, потому что только такие слова образовались в его голове... И еще он подумал, что неужели Евтеев так жестоко наказывает его, причем так оперативно, за то только, что он так рано и без дозволения ушел с работы?!

Ему что-то еще сказали, потом крепко взяли под руки и отвели в ту машину, что сзади встала. Там он оказался на заднем сиденье – между двумя сильными мужчинами. Их мышцы, что каменные, даже через материю одежды он чувствовал своими плечами как стены, ограничивающие всякие поползновения вильнуть в сторону, подумать о бегстве. Собственно, он и не думал вовсе, а говорил изредка, что не имеет никакого отношения к грузу у него в багажнике, что он очень даже законопослушный гражданин, и что ушел с работы раньше, потому что с ним поступили не честно и у него разболелась голова...

Ехали быстро, часто по встречной; включали сирену, а впереди дорогу проторяла машина ДПС. Потом, после одного из поворотов, она исчезла. В этот момент те двое, что по бокам, так сильно прижали его, что он аж дух испустил; потом почувствовал укол в руку; и полетел в черноту, как будто с высоты прыгнул в воду – вниз; а воды не оказалось, и получалось, что он летит в бездну...

Он очнулся от яркого света – был уверен, что этот свет бьет в глаза, отчего так больно во всей голове. Когда же открыл глаза, оказалось, что перед ним стоят люди – двое мужчин. Один, что постарше, стоял расставив ноги, курил, и смотрел на него... просто так, как смотрят такие вот на экран телевизора, когда передают ток-шоу с участием чем-то отличившихся... из народных масс. Другой, помоложе, вполголоса разговаривал по телефону и Бимкин услышал последние слова, прежде чем к нему обратились:

-...Похоже очнулся. Я позвоню потом...

Бимкину дали выпить, потом предложили сходить в туалет... Тут он как бы окончательно «определился» со своим положением в жизни и в пространстве. Оказалось, что он сидит на стуле, привязанный ремнем к спинке (ремень сразу ослабили и вконец убрали, как только сознание вернулось к нему), и находится в помещении без окон, и как поначалу думалось, без дверей.

Когда его провели в сторону стены, которая распахнулась, он понял, что просто дверь была окрашена в тот же белый цвет, что все вокруг, кроме одной из зеркальных стен... Одним словом, все здесь напоминало сцену из боевика...

В туалете его не оставили одного, так что сходит по малой нужде пришлось в компании с амбалом, который сопел сзади. В комнате, в которую они тотчас же вернулись, его посадили за стол, а напротив сел тот, который курил. Да он и сейчас курил, и Бимкину показалось, что человек этот порядочный, и сочувствует ему, потому что тот другой – что говорил по трубке – в костюме серо-синем из дорогого материала – тот как-то плохо смотрел – с отвращением, но не без любопытства...

-Присаживайтесь, пожалуйста... - сказал усатый с добрыми глазами (Петров). – Меня звать так же, как и вас – Леонидом Алексеевичем, видите, как бывает... - он улыбнулся.

Бимкин смотрел некоторое время на «тезку», потом перевел взгляд на другого, который стоял чуть поодаль, и все так же смотрел; а еще казалось, что такому ничего не стоит подойти и ударить со всей силы...

-Я – следователь прокуратуры, – продолжил представление усатый, – осуществляю пока официальную часть, согласно уголовно-процессуальному кодексу. Однако же, давайте пока отложим в сторону все формальности и начнем с самого главного, вы со мной согласны?

-Я пить хочу... - сказал Бимкин, и был искренен в своих желаниях.

Ему передали бутылочку воды, дождались, когда о отопьет с горла, а потом «тезка» его огорошил вопросом:

-Членом какой террористической группировки вы являетесь?

-Да я... никакой... группировкой... не занимаюсь... Я вообще вне политики... Я...

-У вас в багажнике нашли все, что так или иначе говорит в пользу вашей причастности к антиправительственной деятельности... Бимкин, вы по уши в дерьме, вы понимаете это?! Отсюда домой вы можете не вернуться, понимаете?

-Но, я ведь, понимаю... Понимаете, я вообще ничего не понимаю... Я вообще...

-Леонид Алексеевич, я ограничен во времени, – начинал нервничать «тезка», – поэтому скажу вам, в чем еще вы подозреваетесь, и что является головной болью уже других

негосударственных, но вполне официальных и наделенных широким спектром возможностей служб, – «тезка» кивнул в сторону второго участника, что стоял за его спиной. – Вы еще и организовали покушение на члена семьи известного в Санкт-Петербурге лица. И если я, из-за несовершенства нашего законодательства могу не добиться вашего заключения в случае недоказанности вашего участия в последних террористических актах, в случае недостаточности улик против вас, это если вы наймете хорошего адвоката, эти товарищи за своего босса вас порешат запросто – без соблюдения каких-либо процессуальных и иных норм... Вы вообще понимаете, что вы натворили и о чем я говорю?! – тезка взорвался и заорал так, что даже временный партнер его по бизнесу – Николай Александрович, только вчера приехавший из Питера, вздрогнул, правда, внешне оставаясь неизменно наглым и злым...

-Я?... Нет, не понимаю... Что от меня требуется?

-Кого вы хотели взорвать и застрелить и кого заказали в Петере? Каким образом? Или я вытаскиваю вас отсюда и вы идете по статье за террор, или я вас отдаю этим ЧОПовцам, а они не разговаривают... Почему ты заказал ее?!

«Тезка» встал из-за стола и вплотную подошел к Бимкину; тут же рядом оказался второй, которому надо было просто дать отмашку, чтобы тот своими массивными кулаками начал вгонять в пол Бимкина, или пригласил кого помоложе...

-Ты, Бимкин, заказывая внучку такого человека, как Ходов, себе заказал медленную смерть... И еще зачем-то ввязался в террористическую работу! Ты идиот?

-Нет! – завопил Бимкин, отстраняясь. - Я не идиот! Это все Евтеев!

-Какой еще Евтеев?!

-Это он мне подложил оружие в багажник, потому что я ушел раньше времени... Они ко мне придираются...

-Значит он тебя и на убийство подписал?! Так ведь? Это он заказал тебе внучку Ходова, потому что вы конкуренты...

-Да – да, он!

-Как ты смог выполнить заказ?

-Я... я знаю ящик и пароль... Я отправил письмо и деньги...

-Откуда ты знаешь это?

-Кирьянов хвастал, что может ликвидировать любого... Мы пили, и он хвастался... Потом он уснул, а я влез в его компьютер... И в записную книжку... Да он сам все сказал...

-Так ты именно Ходову Яну заказал?!

-Какую Ходову Яну?

-Я не понял, Бимкин! Ты чего фуфло гонишь! – заорал «тезка» и отшатнувшись в сторону, дал возможность партнеру захватить Бимкина за шею и начать душить, поднимая его вверх – на себя.

Бимкин засучил ногами, но поскольку силу свою душитель соразмерял верно, у Бимкина оставалась возможность говорить...

-А кого ты заказал?!

-Инну...

-Фамилия!

-Калинину...

-За что?!

Тут тезка посмотрел на душителя и тот понял все верно. Захват усилился до такой степени, чтобы не давать Бимкину сказать. И длилось это до тех пор, пока Бимкин не решился потерять сознание. В этот момент его отпустили, он плюхнулся на пол как мешок, и изо рта его потекла кровь... Он прошептал:

-Я ненавижу ее. Она смеялась надо мной...

-Калинина Инна?

Бимкин закивал и... расплакался...

-Калинина Инна?! – повторял свой вопрос «тезка».

-Да... да... - прошипел вполне слышно Бимкин.

-Повтори ее имя!

-Калинина... Инна...

-А ребенка за что?! – орал «тезка».

-Пусть знает... - завыл Бимкин, растирая по лицу слезы, сопли и кровь...

Его оставили в покое. Затем он услышал, как закрылась дверь – она хлопнула, и затем ему захотелось умереть. Главное – он ничего не понимал, и главное – он так хотел к своей Верочке, что отдал бы, наверное, всю заначку ей, или этим ребятам, лишь бы они разрешили Верочке увезти его отсюда...

* * *

Перед захватом Бимкина Петров позвонил напрямую Ходову и с первых же слов спросил, собирается ли тот перечислять деньги на его счет? Ходов ответил, что сумма переведена еще

вчера – после того, как они переговорили с начальником его службы безопасности Колей... Это несколько удивило Петрова и он спросил, будут ли какие дополнительные распоряжения? Ходов некоторое время помолчал, затем тихим голосом проговорил:

-Тебе зачем он? Мне Коля сказал, что ты хочешь поговорить с ним, – и Петров что-то уже неофициальное услышал в голосе старика.

-Просто я не хочу ошибиться...

-Да, верно про тебя говорили. От того ты и не сделал большой карьеры...

-А мне она нужна сейчас – в эти мои годы? – искренне рассуждал бывший оперативник.

-Какие твои годы? Я в твои лета чувствовал себя молодым и сильным, каким в молодости не чувствовал... Тогда у меня было все – и возможности и желания совпадали...

Петров решил не вдаваться в полемику, потому и умолк вдруг. Помолчали в трубку какое-то время, посопели, а потом последовал отбой со стороны Ходова. Обиделся старик, или понял нежелание собеседника дискутировать, – было уже все равно.

А Петров тут же достал свой маленький компьютер и чрез интернет проверил состояние своего счета. Деньги – кругленькая сумма, такая, которую он бы не заработал и в несколько десятков жизней, – в должности опера, – действительно лежала на его счету. От вида цифр ему стало плохо, потом гадко...

Бимкина перевезли в Питер самолетом – как больного. Встретили на скорой и перевезли куда-то, куда дорогу знали избранные. А Петрову позвонили на третий день: этот Николай Александрович, будто они были корешами много лет, по-свойски сказал, что старик хочет видеть и «иметь беседу» с ним. Петров вечером и приехал.

Старик выглядел плохо и Петров подумал только, что если он помрет, станет ли кто-то исполнять его волю и казнить Бимкина? Мысль эта позабавила его, он сфокусировал зрение и обнаружил, что Ходов внимательно смотрит на него. «Черт побери! – подумал Петров, – я, кажется, начинаю отключаться...» Он имел ввиду не потерю сознания, а простое нежелание присутствовать в общении с человеком, который ему теперь был абсолютно безразличен.

-Я смотрю, ты устал очень, – сказал Ходов.

Они сидели в просторной гостиной – в креслах, перед большим экраном телевизора, на котором маячили лица, картинки, но у которого был выключен звук...

-Может быть... - пожал плечами Петров и видом своим показал, что готов выслушать вопросы, чтобы поскорее прекратить общение.

Ходов понял все.

-Посмотрел я на него, посмотрел записи вашего допроса. Какое жалкое существо!

Петров молчал.

-Ты гонораром доволен? – немного с досадой и не без злобы спросил Ходов.

-Благодарю.

-Что бы ты сделал на моем месте... с этим человеком? Ведь оказалось, что заказал он.. не... - здесь голос его изменился, он сглотнул, провел рукой по лицу – одним словом, справился со своими переживаниями и закончил – произнес имя своей покойной внучки – Яну...

-Трудный вопрос задаете, потому что в этой жизни каждый всегда остается на своем месте, даже если события внешне похожими могут быть... Я бы... за одно то, что он ребенка до кучи заказал,.. не стал бы рассуждать вообще на тему быть ему, или не быть... - снова Петров отключился от внешнего – всмотрелся в собственные представления; решил, что говорит честно, что привел бы свой собственный приговор в исполнение, вообще не рассуждая с Ходовым на эту тему.

Когда же он поднял глаза на Ходова, тот был пунцовым от гнева.

-Я... - издал старик звук, который произошел откуда-то из глубинных недр этого существа, и оттого был ужасен – груб в звучании, как будто он был сильно простужен... - Я... его буду свежевать!... А ты уходи... И больше мы с тобой не увидимся... Я.. я ведь и не заметил, что он ребенка заказал вместе с матерью... Я настолько своим горем занят...

Петров встал и спросил:

-Я могу идти?

-Да... Постой... Ты скажи мне, ты веришь, что все это случайность, что...

-Я понял вас, - Петров стоял и не мог понять, отчего он снова и снова уходит в какой-то свой внутренний мир; и отчего так сильно болит сердце?...

-Я понял вас, Борис Янович. Я давно не верю в случайности...

-Так ты хочешь сказать, что это бог мне отомстил? – как простой человек вопрошал Ходов.

-Я бы не стал так думать. Вообще о боге не стал бы думать.

-Но ты бы смог сам шлепнуть этого Бимкина?

-Без колебаний, но без помпы и свидетелей. Ну, чтобы вам понятно было, приведу метафору. Если бы на войне меня отправили с ним – с Бимкиным - в разведку, я бы в первом же окопе его застрелил... Иначе бы он меня... непременно бы, и в спину. Почему? Да потому что они, эти бимкины, так устроены...

Ходов от неожиданности расцвел весь, и давление спало – он приобрел свой обычный вид. Старик встал с кресла, подошел вплотную к Петрову, да всмотрелся в его глаза как-то так лукаво, нехорошо; потом спросил:

-Хочешь шлепнуть его, за того младенца?

-Младенец жив... Был бы мертв, это была бы уже другая история...

-Пошел вон! – сказал Ходов, отвернулся и сам ушел в другую комнату.

Петров вышел в коридор – там его ждал Николай Александрович. Они о чем-то поговорили, покурили по сигаретке и Петров ушел восвояси.

В машине ему стало совсем плохо. Он припарковался, - благо было уже темно, - выключил габариты, откинул спинку сиденья и сложив руки на груди, умер. Во всяком случае он был уверен, что умирает. Главное, и это была его последняя мысль, семья была обеспечена, а что дальше – ему до лампочки – свою работу здесь он выполнил, а может просто – закончил. И Слава Богу!

* * *

Верочка возненавидела своего Бимкина так, как привычно это делала вот уже много лет, а скорее всего – на протяжении всей ее жизни с ним.., то ли под одной крышей – так можно было бы сказать, - то ли в официальном браке – так надо было думать. Снова и снова она устраивала его в этой жизни, и если раньше

это делать было проще – был жив отец, к которому они с матерью обращались одинаково небрежно, требуя, намекая, что другие о зяте заботятся, то теперь она сама находила способы и связи, будто чтобы убедить себя, что он хочет работать, чтобы хоть что-то приносить в дом, помимо долгов и обид на кредиторов...

Вообще, вряд ли бы кто взялся рассудить, сказать с уверенностью, кто выигрывал в этом браке, а точнее, кто проигрывал больше.. Если она грезила для себя жениха, который бы стал лучшим из лучших в сравнении со всеми женихами и мужьями своих подруг и знакомых, знаменитых актрис и звезд эстрады, то он и думать не мог об удаче такого вида, чтобы сойтись в браке с такой девушкой и построить себе карьеру за счет высокопоставленного отца ее. Получалось все невероятно просто, и до абсурдного нескладно, когда под венец пошли оба, одна - созерцая свой собственный мир сказочно-детского абсурда, другой - со страхом вглядываясь в новых знакомых и будущих родственников, примеряясь к многокомнатной квартире, «Волге» тестя, его даче и его возможностям. И действительно, устройством его судьбы все занялись всерьез, хотя и не без уничижительных намеков, а то и простых наставлений в адрес зятя; естественно, что в этом преуспевала теща, как заверяет народный фольклор. А Бимкин и не тушевался особенно, привыкший не к такому унижению... Он освободился от гнета матери – женщины неполноценной особенно в нравственном развитии; он теперь мог иметь собственные деньги, собственный автомобиль, собственную должность и звание, собственную жену и, наконец, собственного ребенка... Это ли не было заветной целью когда-то давно, когда он мог только мечтать, уже понимая, что по чьей-то злой воле был вынужден родиться от такой странной и страшной женщины, был обязан подчиняться ее прихотям и ее командам абсолютно, и был вынужден знать во веки, что нет ничего другого кроме желаний этой женщины, кроме ее планов и видов на все и вся. Судьба вдруг улыбнулась ему и он поблагодарил бы кого-нибудь, существуй кто-то, чью заботу о себе единственным и неповторимом он бы мог хотя бы однажды почувствовать... Потому он скоро очень приписал своей собственной сноровистости факт сочетания браком с такой знатной невестой и однажды пришел к мысли, что только благодаря жестокости в воспитании, благодаря тем наставлениям, которыми так обильно подчивали его, нынче он

смог так удачно распорядиться жизнью. Дальнейшее происходило само по себе, и он лишь вовремя подставлял одну щеку, затем другую, когда ему так рьяно помогали быть мужчиной в семье. С годами его возненавидели до отвращения, хотя о нем говорили с уважением, если надо было блеснуть пред какой-нибудь сторонней дамой, у которой был муж, и которую содержали; со временем его отодвинули в сторону так, как прячут в шкаф смокинг, если не надо часто выходить в свет. Кто выигрывал в этом союзе больше, трудно было бы сказать, особенно если учитывать еще и психопатический склад натуры этой Верочки, чье воспитание состояло из наставлений няни, из вечного стремления быть пригожей для матери, из одержимостей, набитых в ее голову, будто в мешок старьевщика; из гнева и ненависти, что она питала ко всему миру, в котором кто-то жил лучше, чем она, кто-то выглядел лучше, чем она, и кто-то... хуже... Лучше всего у нее получалась дружба с отменными стервами, чья участь смотрелась с ее стороны трагедией, потому что у тех не было мужа, кроме любовников, а у нее не было такого количества любовников, зато был статус состоявшейся в браке и в жизни... Она ненавидел своего Бимкина и изменяла ему с чувством исполненного долга. Верочка ненавидела его больше, чем кого-либо в этом мире, и не отдала бы его никому и никогда, чтобы не расписаться в собственной несостоятельности – легче было каждой сопернице доказывать, что они проводят в отпуске время так, как в молодости медовый месяц, чем выглядеть одной из тех разведенки, с которыми она так самозабвенно умела дружить. И все эти годы жизни, на самом дне мешка, в котором она прятала свои одержимости, была одна самая заветная, которой она молилась, как молятся богу, вопрошая и требуя, возмущаясь и ненавидя ... Она мечтала о том дне, о том мгновении, когда ей скажут, что Леня исчез, что его убили за долги, что он попал в автомобильную катастрофу, что он болен неизлечимо, что он просто пропал без вести... Но шли годы, ей перевалило за полтинник, и ничего не случалось – он пил и только здоровее выглядел, болел и поправлялся быстро, машину водил умело, и вообще – оставался здоровым, хотя и выглядел каким-то... замшелым пнем, потрепанным, как половая тряпка... Она решила, что эта мечта ее не сбудется, она решила, что, может быть, лучше начать беспокоиться о нем, потому что годы упущены и можно проиграть, оставшись одной...

Она растерялась, когда он не позвонил на следующий день, потом через сутки... Она объявила его в розыск и нашли быстро очень машину... Она поверить не могла, что он исчез... Да еще и казус случился с больным, которому она прописала неверно лекарства и он умер прямо в отделении; благо удалось отговорить родственников от вскрытия и убедить тех, что... просто инфаркт случился... Она была в растерянности и ее отпустили в отпуск, хотя именно отвлекаться от работы ей не хотелось, чтобы не упускать доход от хорошо поставленного бизнеса в их клинике. Конечно же, как самого активного деятеля в группе ее оставили, лишь изредка справляясь, найден ли супруг "ейный", или все еще числится среди без вести пропавших?.. С выражением крайнего прискорбья она отвечала, что нет никаких сведений, что милиция бездействует, и что остается только смириться, если потерять веру... Что чувствовала она в вечерние времена, когда хотелось подойти к окну и посмотреть, не явится ли он вдруг, не помашет ли рукой, как в былые времена, когда шел домой пьяный, покачиваясь и улыбаясь своему счастью, ей самой было непонятно – непонятно, почему так болезненно екало сердце и как замирало в животе, когда она шла из одной комнаты в другую, и пока шла, боялась, что... увидит его, или снова не увидит; непонятно было еще и то чувство – новое и сильное, - которое возникло вдруг и с каждым часом набирало все большую и большую силу, чувство, похожее не то, что овладевает человеком, когда он ожидает пришествия на землю Нового года, очередного конца света, одним словом то же, что она чувствовала до рождения ее первенца, впрочем, единственного и последнего. Впрочем, о нем, о сыне, после того как он женился и ушел из дома, она вспоминала от случая к случаю, больше всего радуясь, что избавилась от какой-то занудливой необходимости, как если бы, наконец, из комнаты улетела назойливая муха – муха большая, требующая много корма... Одним словом, каждый раз, когда, глядя в окно, она не видела и не дождалась увидеть своего Бимкина, вернее будет сказать, с каждым разом, с каждым днем настроение ее становилось все более... странным и странным... Она ликовала, она корила себя за это, она плакала, прикрывая руками радость; она верила, что в этой жизни все сбывается, и сбудется даже самая заветная мечта – она сойдется с каким-нибудь Костей и утрет всем нос, потому что ни у кого из знакомых подруг нет молодого, состоятельного, даже очень состоятельного

бойфренда, с которым теперь можно будет жить открыто, и слышать комплименты в свой адрес, упакованные в сплетню, дескать, что она сошла с ума, что он ее бросит... И черт с ним! с Костей этим! Марина Влади после Высоцкого составила союз с богатым французом; почему она, Верочка, не составит союз с богатым человеком уже преклонного возраста, с титулом графа, владельцем собственного имения? И будет она доживать свой век в окружении роскоши, со слугами, среди своих собственных лесов и полей... «Господи!!! – вопила она в мире своих тайных грез, удивляясь милости того, в кого никогда не верила, но о котором так много говорили все. – Ты, оказывается, так милостив ко мне!»

...Он шел так, как она представляла... Она смотрела в окно, и когда появилась до боли знакомая фигурка человека, который шел, как часто было раньше, а может и всегда, Верочка тихо застонала... Слезы застили ей глаза и пришлось моргать часто, чтобы избавиться от этого наваждения. А он шел и не исчезал, а она молилась кому-то там наверху, внизу, сбоку, чтобы видение испарилось, чтобы это был только сон, чтобы мир рухнул в тартарары, чтобы тот, кто так пошутил с ней, был... наказан, или она сдохла... С высоты третьего этажа она могла различить его лицо – оно было странным немного разноцветным, что ли. И тогда она все еще надеялась, что сумерки делают свое дело и ей кажется, что в этом грязном лице она видит мужа, а одежда – это только совпадение. Она дрожала, она кусала губы, не замечая привкуса крови во рту... Он еще махал рукой, потому что видел, что она стоит у окна. И он исчез... Он исчез, потому что вошел в подъезд. И когда позвонили в дверь, она не шелохнулась – все еще надеялась, что это галлюцинация...

Мать зашаркала к двери, и заведев, что дочь стоит в оцепенении, высказалась негодуяще. А потом в коридоре оказался он – Бимкин. Он был грязным, лицо его исказили гематомы, но он смеялся, потому что был жив...

-Меня похитили, хотели потребовать выкуп, но я смог договориться с ними... Буду выплачивать им частями... Верочка, мы с тобой справимся... Иначе они меня снова похитят...

-Кто похитил? Инопланетяне? – сохраняла хладнокровие теща Бимкина.

-Нет, бандиты, – серьезно отвечал зять, радуясь даже встрече со старухой.

-Алкоголик! Ты, должно быть, с психбольницы... заявился...

А Верочка тряслась и моргала часто, чтобы сгнуло это видение... Моргала часто и ничего не могла сказать, а только лишь глотала слезы с привкусом крови, только лишь кивала с выражением крайнего страдания на своем птичьем лице...

* * *

Прошло времени с полмесяца, когда позвонили на трубку и голосом Николая Александровича было сказано:

-Привет! Узнаешь? Это тебя дергает Коля Тимохин. Ну, Николай Александрович, который у Ходова - у Деда был начальником службы безопасности. Андрей, я это, что, не узнаешь?

-Да узнаю, конечно... - искривляя рот в улыбке, произнес Петров.

-Как жизнь проживаешь, дружище?

Петров замялся, не совсем понимая причину такого панибратского отношения, вообще, такого веселья, которое прямо-таки фонтанировало из этого начальника безопасности.

-А что случилось? - отвечал Петров, глядя по сторонам - на деревья, листва с которых совсем уж слетела, на дом, над которыми повисли тучки, грозясь длительным и скучным дождем, на бочку, вода в которой была налита до краев, а на поверхности - на блестящей глади плавали листочки - такие маленькие, с выставленными кверху стебельками.

Один он был на даче, несмотря на то, что становилось холоднее с каждым днем; один он топил печь, возился по всякой мелочи, читал много, спал подолгу, потихоньку попивал с соседом, если тот захаживал вечерком на огонек...

-Что случилось? Да много чего случилось. Ты приезжай завтра, расскажу...

-Я на даче...

-Догадываюсь, где обитают чекисты-пенсионеры. Заезжай, Андрей. Информация, да и дела тут... интересные... Приедешь?

-Ну, говоришь с такой интригой, приеду... значит...

Странно, что настроение, как выяснилось теперь, Коли Тимохина, в прошлом Николая Александровича, передалось и

Андрею Петрову; и не то, чтобы он грустил, а просто не было повода для такой радости...

Он приехал на следующий день, и встретились они с Тимохиным не у Ходова на даче, а в каком-то офисе в городе. Николай Александрович подскочил к нему, крепко пожал руку, предложил присесть в кресло, сам устроился напротив, покинув свой стол, вероятно, начальника и разлил по бокалам коньяк, не спрашивая даже, будет ли гость участвовать в распитии этого наверняка дорого напитка.

-Короче, Андрей Викторович, наш Ходов, Дед, как говорили в старину, преставился – помер. И помер он как раз в тот вечер, после встречи с тобой. Ты уехал, а он походил-походил, побормотал что-то себе под нос, а потом свалился и как-то ему – инсульт... Схоронили его. А активы, Андрюша, все активы у нас остались... Понимаешь меня?

Петров смотрел пристально на Колю Тимохина и ждал, когда тот ответит на вопрос, который и задавать-то не стоило...

Тимохин Коля тоже остановил свою речь, также смотрел некоторое время на Андрея, и сквозь смех в глазах все-таки можно было различить ту настороженность, которую можно было принять за сомнения, прежде чем будут произнесены слова, после которых их отношения примут иное значение; их будущее может стать другим...

--Я понимаю, чего ты ждешь... Я отпустил этого сморчка. Мы его отделали немного – для порядку, и сказали, что коли болтать будет, от судьбы во второй раз не уйдет... Он – понятливый малый. Мы его с повязкой на глазах вывезли в город и до поезда провели... Он все спасибочки говорил, все что-то объяснить хотел, пока под дых не дали – дерьмо, не человек. Я, Андрюша, на себя брать грех не стал, хотя и жалко Яну. Наверное, она одна в их роду была человеком... Послушай, я вот чего тебя позвал... Да, материалы все уничтожены – лично в камин кинул флешку... Так вот, что хочу тебе сказать, ты чем там на даче занимаешься? Понимаю, что заработал столько, что хватит до конца жизни... Но не скучаешь от безделья на даче?.. Я не хочу тебя как-то обидеть – ты и старше меня, да и поопытнее будешь... Короче, есть желание поработать? Зарплата – будешь не в обиде, да и лишних денег вообще никогда не бывает!

Петров искренне улыбнулся, отпил немного коньяка, и сказал вдруг очень искренне:

-Я ведь тоже помер в тот день... По дороге стало плохо, припарковался, выключил движок, и, как мне показалось, помер... Сердце... Ты знаешь, что-то такое необычное, все-таки было... Никаких тоннелей, никаких встреч... В ушах загудело – высокая частота очень, а потом народу было много, все суетились. Главное, знал точно, что помер, хотел только понять, что дальше-то делать надо?.. А ко мне никто не подходит, будто меня не замечают... И вот тут вдруг Яна и появилась рядом. Ты знаешь, подошла, обняла меня, поцеловала даже. И слышу ее мысль, что, благодарит меня, что деда уберег... Я понял тогда, что, похоже, она любила его... Потом понял, что так и должно было быть, как случилось... А когда ушла от меня, мне показалось, что вдали – в толпе я Ходова видел, только помолодевшего очень, чуть ли не ей ровня... Во такая вот фигня... Да, со мной еще воспитательную беседу кто-то провел: я все понимал там, а когда очнулся в машине, с каждой минутой все постепенно и забылось. Звонил телефон – жена беспокоилась. Я поехал, а дома вдруг *торкнуло* – все встало на места... Но это уже личное...

Тимохин смотрел на него внимательно, без толики юмора. И сказал:

-Когда ты в Москве был, когда и я был в Москве... Когда он узнал, что заказывал Бимкин эту Калинину, я ведь передал ему по телефону результат, а повезли мы Бимкина на следующий день, Ходов поехал с моими ребятами к Калининой. Мне доложили, что они долго беседовали, и оттуда он вышел совсем плохой – пришлось его поддерживать, чтобы он не рухнул прямо там на улице. До машины еле дошел... Потом распорядился квартиру – одну из своих – на нее переоформить, и на счет перевести кругленькую сумму. Интересно, что она могла сказать такое, чтобы такой, как Ходов так вдруг расщедрился?..

-А что бы ты мог сказать про Бимкина теперь, если бы о нем тебя спросил его сын? – помог Петров Тимохину сориентироваться...

Оба посидели некоторое время, глядя себе под ноги. Не умели они восторгаться и верить в добродетель, а комментировать поступок такого как Ходов, наверное, брезговали.

-Получается, что дураков надо беречь?- сказал Тимохин. – Ведь Бимкин этот, как заговоренный...

-Получается, что дураки и плохие дороги на Руси не переведутся никогда, иначе как бы Калинина получила новое жилье и достаток?.. - сделал свое заключение Петров.

Тимохин прыснул со смеху, они отпили коньяк с широких бокалов, и Николай Александрович завершил встречу вопросом:

-Ну что, поработаем вместе? Я тебя в деле видел, и тебе доверюсь больше, чем кому-либо.. Деду доверял, и тебе могу доверить, как старшему брату. Может комплексы во всем виноваты, как говорят психологи... Не было у меня ни отца, ни старшего брата...

«Далеко пойдешь...»- подумал Петров, встал, пожал руку «младшему брату», и сказал вслух:

-Я позвоню тебе...

-Конечно, Андрей Викторович. – легко согласился «брат» - Все будет путем! Научи меня жить так, чтобы никогда не пришлось проводить внутреннего расследования...

* * *

Дождь лил с самого утра, то усиливаясь, то будто делая передышку, чтобы снова забарабанить по клеенке, которой укрыт был хлам на кухонном балконе, по козырьку над лоджией; а то и в окна пригоршнями сыпал капли и ей казалось, что начался град. Тогда она замирала на несколько секунд и смотрела в окно. Тревога, которая владела ею, была знакомой с самого детства, была преходящей, и Инна никак не могла понять, с чего она начинается, и от чего утихает. Впрочем, когда-то она могла надеяться, что с приходом в ее жизнь мужчины это состояние страха, от которого холодеют руки и туманится сознание, от которого мысли не свести воедино, чтобы хоть перестать суетиться, пройдет, что мужчина возьмет на себя заботу о ее безопасности, о достатке – будет направлять и командовать ею, таким образом избавляя ее от ошибок и глупостей, а получалось с точностью до наоборот: она принималась утешать его, она тратила свои сбережения, а потом и вовсе употребляла весь свой заработок на него, а он ложился на диван, смотрел телевизор; играл на компьютере в интеллектуальные игры. Мужчин в ее жизни было несколько, но они все слились воедино и нынче оставался только один образ – портрет последнего, который как раз играл на компьютере, и который просто очень ушел восвояси, когда узнал, что она,

наконец-то, забеременела. И с этим делом была у нее проблема – не только не получалось ничего путного с мужчинами, но даже залететь ни от кого она не смогла; только и оставалось, что смириться с участью одинокой женщины, и готовится к участи одинокой старушки. Просто она так видела себя уже в нынешние дни - действительно иной раз представляла себя со стороны интеллигентной, опрятной старушкой, которая каждый день возвращалась с работы с маленькой авоськой в руке – шла медленно, поскольку торопиться было некуда, не смотрела ни на кого, потому что саму ее могли заметить только дети, которым она преподавала в школе. Одним словом, когда-то в раннем детстве у нее сложился такой вот образ взрослой женщины, которая уже отбыла свою вахту на этой земле и готовилась, так же как все люди, уйти восвояси... Она хорошо помнила эти картинки, потому не удивлялась, что все складывалось как раз кстате – и то даже, что всякий новый мужчина был чем-то похож на прежнего, а прежний не напоминал о себе, будто ее забывали, как выкуренную сигарету... Однако ж она родила в сорок пять... И чего только ей не говорили врачи, редкие знакомые, родственники... Она не шла на аборт, потому что по натуре не была способна на поступок, если этот поступок как-то был сопряжен с необходимостью как таковой. Просто эта женщина могла бы стать верной спутницей по жизни для мужчины, для которого экстремальность в поведении партнерши была бы излишней, поскольку хватало бы рисков и бремени ответственности на работе; еще она могла бы стать женою взрослого человека, у которого никогда не было детей, и который не представлял, что значит иметь взрослую, безропотную дочь; наконец, она бы стала незаменимым другом и любимым человеком для мужчины, который бы смог сберечь в ней ее дар быть преданной мужчине, следовать за ним с истинным чувством любви в сердце, и беречь очаг в доме, как святыню... Впрочем, какой "твари дрожащей" нужны такие ценности – взамен откровенным инстинктам?!

Станным образом произошла эта женщина – она вышла из семьи, где часто были ссоры и отец изредка урезонивал мать крепким кулаком, пока мог быть сильным, а после несчастного случая на заводе, пил с ней – с женой своей, а потом и вовсе умудрился устроиться за счет дочери, когда ему стали платить пенсию по инвалидности, матери - по возрасту, а дочь училась заочно в институте и работала на том же заводе... Может быть

тогда произошли в ней все эти сдвиги в сторону и она стала не такой как все; а может родилась такой, чтобы ждать и надеяться, что придет в ее жизнь «отец», и наверстает она прошлое, и либо поспешит состариться с мужем постарше себя возрастом, либо поможет взрослому человеку долго сохранять мужскую силу и пригожий вид... Странно было все устроено в ее представлениях; ее саму удивило, что она в последний раз сошлась с молодым парнем – помладше ее почти на пятнадцать лет. Он так хотел быть с ней, так божился, что останется с ней, что она согласилась успокоить его прыть; потом даже приятно было слышать его восторги по поводу ее чувственности и умения выражать эту чувственность. Он говорил, что ни с одной из его «телок» она не сравнится, что по силе своих собственных переживаний он может судить о ней, как о сексуальной партнерше *вполне*... А она смотрела на него, корила себя, что спит практически со своим учеником, но отказать себе в таком удовольствии – таком малом и таком коротком, не могла. Он ушел легко, и даже смутился, когда она его сама собрала и поблагодарила; он понял, что его использовали и напоследок, смешавшись, наговорил ей гадости. Ушел, сам еле сдерживая слезы. А она осталась с даром животе и терпеливо принялась ожидать дня знакомства с человеком, который должен был стать ей другом на оставшиеся годы жизни, человеком, который, если даст Бог, мог бы и похоронить ее...

И тут вдруг произошло это странное знакомство с Яной... Инна репетиторствовала, ее нашли как-то, рекомендовали хорошо такому известному человеку как Ходов, она согласилась взять последнюю ученицу, поскольку спрос на такого талантливую учителя был к тому времени уже велик, и сама того не подозревая, она своим отношением к девочке завоевала ее дружбу. А Яна потянулась к взрослой женщине, потому что с самого детства была обделена... *безусловностью* в отношениях – все, кто ее окружал, всегда помнили, чья она внучка, потому и отношение всех этих приспешников и прихлебателей имело одну подоплеку – холуйскую. Каким-то образом произошло становление Яны как человека так, что как раз угодничество и лицемерие она чувствовала быстро, ненавидела как лютого врага, а отсюда и считала себя одинокой и обделенной... Инна справилась с ее капризами легко и быстро – Яна будто тестировала взрослую женщину – капризничала, грозилась рассказать деду, что ее неправильно учат. Инна попросила ее

уйти, Яна расплакалась, и в тот день между женщинами образовалось что-то похожее на дружбу, которая иной раз случается между сестрами. Когда же занятия были окончены и Яна поступила в институт, дружба не прекратилась, а наоборот – перешла в стойкое и очень красивое чувство, теперь уже больше похожее на то, что иной раз испытывают друг к другу мать и дочь. Вот только матерью себя почувствовала Яна, потому решила, что применит все способы и средства, чтобы Инна всегда оставалась при ней, чтобы ее никто никогда не обидел, и чтобы жизнь этого человечка – такого непосредственного и такого редкого в нынешние времена обрела смысл и красоту современного бытия: Яна должна была устроить быт своего дорогого человека, помочь, как получится, обустроить личную жизнь, ну и, наконец, прикрепить к своему будущему все радости и все то, что она может иметь по рождению своему. И первое, что Яна встретила с необычным восторгом, было рождение Никитки. Собственно и имя такое предложила она, а Инна только пожала плечами и согласилась, потому что своей придумки не имела, а Никитой звали известного в свое время революционера – родственника ее деда.

...Сказка закончилась, впрочем, что и должно было случиться, поскольку счастья себе желать Инна не имела права... Она старалась не вспоминать этот день, а если ночью накатывало и она начинала видеть Яну, разговаривать с ней, обниматься, даже целоваться, путая явь со сном, а это нет-нет, да случалось с ней после, тогда слышала она женский вой, рыканье, и возвращалась в этот мир от того, что громко плакал Никитка; еще обнаруживала порванными простыни... и синяки с царапинами на бедрах, на животе... Она понимала, что так долго продолжаться не может, что скоро не останется сил и, может быть, она действительно лишится рассудка; знала она, что в жизни ее никогда больше не случится такой радости, и не будет в ней жить столько надежды на счастье...

Когда ее допросили все официальные лица, пришел однажды мужчина и назвался Андреем Викторовичем. Она поначалу не разглядела его, да и не собиралась как-то изменять отношения к официальным людям; она не хотела верить, что кто-то расследует это дело и найдет причину убийства Яны. Однако же все встало на свои места, когда заговорил этот Андрей Викторович. Не то, чтобы она вовсе не подозревала Бимкина – напротив, часто, очень часто он возникал из небытия

и становился таким же призрачным, как Яна. Она не боялась его, - скорее брезговала; что-то в ней тихо сообщало, что именно этот человек мог быть повинен, но... тут же включался в дело рассудок и стеснительность – как он мог исполнить такое квалифицированное убийство, и как она могла кому-то рассказать, что пригласила в гости такого человека, что этот человек пытался изнасиловать ее, и что просто оказался несостоятельным... Смогла бы она отстоять себя, или поддалась бы его воле, окажись он понастойчивее? И опять – одна часть ее была в сомнениях, другая уверенно заявляла, что не получилось бы ничего *по-любому*, потому что она заметила, что когда ей не хочется, у мужчины ничего не получается...

Вот этот Андрей Викторович и помог ей все вспомнить, а потом она попросила его не уходить, и он остался: стоял на том же месте, где когда-то Бимкин, смотрел в окно, а она снова кормила Никитку, и говорила. Никогда бы не вспомнила точно, что именно говорила, однако знала, что исповедовалась... Оно пошло само собой – этот человек обладал какой-то силой, она почувствовала эту силу, которой повиновалась. Помнила еще, как заснул ребенок, как она положила его в кроватку, а потом все говорила и говорила, и он сам что-то отвечал ей, что-то спрашивал; они сидели здесь же в комнате, разговаривали вполголоса – ей было так хорошо, что спроси тогда призрак Бимкин, что мерещился ей иногда, хотела бы умереть вместо Яны, она бы без малейших колебаний согласилась...

Человек – этот странный человек – ушел из ее жизни, прошло несколько дней, и тогда только она заметила, что стала спокойной, что прекратились всякие тревоги во сне, и что объявилась поначалу странная, а потом все более громадная в размерах картинка, в которой было лишь одно лицо, точнее не в полном смысле этого слова – лицо, а как бы идея этого образа, суть этого образа, чувственная составляющая этого образа, наконец, навязчивая идея, да такой силы и значимости, что теперь впору было признать в себе явную ненормальность – произошла подмена одного состояния другим: теперь вместо нестерпимости существования возникло нестерпимое желание быть, состоять в дружбе, состоять в любых отношениях с этим человеком – с этим Андрее Викторовичем. На какое-то время в ней объявилась рассудочная личность и она приняла к сведению, что ее склонность к одержимости осталась прежней, просто сменился объект. Тогда, от себя же самой, в себе самой она

услышала ответ, который происходил от той части ее, которая всегда выступала холодным бесстрастным критиком – она объявила, что попробует все мыслимые и немыслимые способы борьбы за право быть хотя бы в надежде на короткие радости, чтобы прожить до того возраста, когда Никитка сможет ее похоронить... Она в этих своих видениях с такой силой и желанием обратилась к Андрею Викторовичу с просьбой зайти к ней хотя бы на минутку, что появился на пороге, после требовательного звонка в дверь..., дед Яны – Ходов Борис Янович.

Она испугалась и пропустила его в квартиру. Осанка и поступь, которой он проследовал в ее жилище, говорили о нем многое – не знай она, кто перед ней, непременно бы призадумалась, насторожилась, инстинктивно бы пригнулась; этот человек подавлял окружающих своей статью, манерами, даже в простом обороте головы, в жестах присутствовал диктатор, властелин, или попросту сказать – старый партийный работник, который уже забыл, что значит быть гражданином своей страны... Он прошелся по всем комнатам, дольше времени уделил, разглядывая младенца в кроватке (ребенок лежал тихо, дрыгая ножками, когда же старик посмотрел на него, замер, прислушался, взглядом уловил направление, откуда на него смотрели, а зафиксироваться на глазах человека не смог, как это случается с кошками, когда на свою кличку они откликаются мяуканьем, а посмотреть в глаза у них будто бы не получается)

Ходов остановился у окна, долго рассматривал виды, потом развернулся всем корпусом и спросил ее, что произошло между ею и Бимкиным, вообще, по ее мнению, что может побудить мужчину *заказать* женщину? Прикидываться дурочкой, как показалось Инне, этом случае не получится, зато разозлить его невняtnостью ответа она могла бы, если б ответ этот сам собою не произошел. Она сказала, что предполагает, что Бимкин обиделся на нее, потому что у него ничего не получилось с ней.

-То есть, ты бы согласилась быть с ним, но у него не получилось? Вы были любовниками?

-Нет.

-Это была его единственная попытка? Речь идет о попытке изнасилования? – Ходов уточнял что-то для себя самого.

-Да. В общем – да. Мы потолкались немного, а потом он посмотрел на себя... вниз... и устыдился, что ли... Я не хотела быть с ним...

-А как он оказался у тебя дома?

-Я его пригласила. Мы были знакомы много лет назад. Он позвонил, сказал, что проездом у нас, вот я его и пригласила.

-Да-а-а. Вот ты его и пригласила... - тихо вторил ей Ходов, посмотрел на то место, где был обнаружен труп его внучки. Место, которое помнил по фотографии из уголовного дела.

-Он ведь всегда был таким ничтожеством? – сказал вслух, и скорее всего, сделал это для самого себя.

Инна пожала плечами, отвернулась; было понятно, что говорить больше в таком направлении она не станет. И Ходов понял сразу, что задел что-то болезненное для этой женщины; потом сообразил, когда взглянул на нее со стороны, что такой вот интеллигентный человек имеет склонность к длительной рассудительности, и особенно, если предмет своего философствования он выбирает себя неповторимого.... Он поморщился, всю жизнь ненавидя слюнтяев от интеллигенции, которые хотели бы иметь значение, да только способны были всегда к отрицанию, к критике; готовы были терпеть унижения как благодать господню, лишь бы быть прославленными – и не важно до смерти, после смерти, или во время *этого эпатажа*...

-Это не его ребенок? – спросил он, указывая на Никитку.

Инна инстинктивно ступила вперед, инстинктивно прикрывая собой ребенка, сказала тихо, и краснея...

-Нет, конечно же нет!

А Ходов отвернулся от нее и сцена замерла. Он стоял и смотрел в окно, за которым маячили огоньки в квартирах домов, и темень прорисовывалась отчетливее от того, что на горизонте все еще брезжил закат, а она, затаив дыхание, слушала биение своего сердца, слышала тяжелое дыхание старика, кряхтение сына и в конце концов – тиканье старых часов на стене.

-Завтра к тебе придет человек от меня и ты подпишешь документы, потом в твою собственность перейдет трехкомнатная квартира не здесь на отшибе, а в хорошем районе города. Затем, на счет в банке будет переведена сумма денег, которая позволит тебе жить нормально и твоему сыну, потом и обучить его, если, конечно, ты не заведешь какого-нибудь Бимкина... Я знаю, что делаю абсолютную глупость, но на то воля моей внучки. Юности свойственно верить, что нищенствовать человек перестанет, если дать ему денег столько, сколько он захочет. Таким актом милосердия можно вообще убить убогого... Убогий находится под

непосредственным покровительством Бога, как считается в народе. А Богу – Богово, кесарю кесарево... Но... на то воля Яны...

Он пошел к выходу, так и не удостоив Инну даже взглядом, но когда услышал ее вопрос, остановился, все-таки посмотрел на нее; ответил тихо - с идиотской улыбкой на губах:

- Она мне вчера сказала... И это был не сон, как мне вначале показалось... Что-то там есть... Или я просто схожу с ума, - и ушел, хлопнув дверью...

Вот с этого момента и началась паника в ней. Она бы не смогла никому объяснить, в чем причина такого страха, чего больше она боится – обещаний Ходова или его слов, которые он оставил напоследок, рассуждая о человеческой убогости. Вроде бы раньше Инна была защищена от сложной рассудительности, злобной мудрости, которые свойственны бывают некоторым людям, что стоят перед могильной ямой, но в этом случае, когда слились воедино неожиданное известие о богатстве и оплата за такую перемену в жизни – оплата смертью Яны, Инна стала чувствовать себя виновной... И вот как раз нестыковка в собственных выводах со словами Ходова и привели ее к крайнему отчаянию. Она снова по ночам стала плакать, но только не так вести себя – в беспомощности рвать простыни, кричать так, чтобы разбудить младенца; она... кричала с открытым ртом и без звука... Не веря ни секунды, ни на самую ничтожную толику, что встретит еще раз Андрея Викторовича, она напрягала свою душу с нечеловеческой силой, обнимала и прижимала его к себе так, что у нее не оставалось сомнения во время забытья, что он находится в ее объятиях, в ее власти, и ждала – особенно по вечерам, особенно ночью... Светил старый торшер в углу комнаты, тикали старые часы, сопел и спал крепким сном младенец в кроватке рядом, а на постели своей лежала распластанное тело Инны, и глаза ее смотрели широко вверх; только по вздрагивающим ресницам, по движениям живота можно было знать, что она жива, что просто находится в состоянии грез наяву.

...А ведь Андрей Викторович пришел вскоре. Когда он позвонил в дверь, она не сомневалась, что это он. Когда он вошел в прихожую и стал объяснять что-то по поводу «некоторых деталей расследования», она не хотела заставлять его лгать, а потому прижалась к нему крепко, задрожала всем телом и сказала, что ждала его, что не сможет жить без него, но

что не требует ничего большего, кроме права хотя бы знать, что есть в этом мире человек, который о ней знает, и которому она...

-...Я и сам не понял, почему решил зайти к тебе, – скажет потом Петров...

-Прости. Я никогда не смела заявить о своих желаниях, и вот впервые делая это, я получаю все разом... Даже квартиру и много денег. А мне бы хватило одного тебя... - ответит ему Инна и вдруг поймает себя на мысли и ужаснется, что и в недавнем прошлом, когда у них с Яной случались порывы страстных чувств, она, как сейчас желает жизни, так же страстно желала смерти своей, чтобы только остаться в том мгновении, когда близость с родным существом вечна.

*Азарян Александр
июль 2008*